

НАШИ • ТАМ

БОРИС ЦАРЕГОРОДЦЕВ
ВТОРОЙ ШАНС
АДМИРАЛА
БАХИРЕВА

Наши там (Центрполиграф)

Борис Царегородцев

Второй шанс адмирала Бахирева

«Центрполиграф»

2013

Царегородцев Б. А.

Второй шанс адмирала Бахирева / Б. А. Царегородцев —
«Центрполиграф», 2013 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-04501-0

Летом 1915 года у острова Готланд Русский флот нанес серьезное поражение немецким кораблям, и случилось это благодаря нашему современнику, сознание которого немислимым образом переместилось в весьма важную фигуру той кампании – контр-адмирала Бахирева. Он предпринял попытку немного переиграть Первую мировую войну, подтолкнув к производству некоторые военно-технические новинки уже сейчас, а не через год или два, как было в реальной истории, и предотвратить таким образом события Февраля 1917 года, а потом и Октябрьскую революцию...

ISBN 978-5-227-04501-0

© Царегородцев Б. А., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Вступление	6
Глава 1	11
I	11
II	13
III	20
Глава 2	22
I	22
II	25
III	28
Глава 3	30
I	30
II	34
III	35
Глава 4	37
I	37
II	39
Глава 5	42
I	42
II	45
III	47
Глава 6	51
I	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Борис Александрович Царегородцев

Второй шанс адмирала Бахирева

Попробуем представить себе бой близ острова Готланд в 1915 году и весь год целиком, с точки зрения нашего современника, ставшего на время контр-адмиралом Бахиревым. Сознание нашего «попаданца» телепортировалось в весьма благодатный образ, и он предпринял попытку немного переиграть Первую мировую войну, одержать победы в нескольких морских боях на Балтике и предотвратить, таким образом, события февраля 1917 года, а потом и Октябрьскую революцию.

Вступление

Новочеркасск – столица Донского казачьего войска, а Донская область, как известно, родина не только военачальников от кавалерии, но и адмиралов и офицеров русского флота начала XX века. Наибольшей славы в военно-морской истории Отечества в XX веке и наиболее высокого флотского чина достиг уроженец Новочеркасска, потомственный донской казак вице-адмирал Михаил Коронатович Бахирев. Человек, долгое время незаслуженно вычеркнутый не только из истории российского флота, но и из истории донского казачества. Между тем в истории Русского императорского флота это первый случай, когда донской казак дослужился до чина вице-адмирала. Дело не только в чине, Михаил Коронатович, или, как дружески его величали сослуживцы, «адмирал Коронат», был истинным флотоводцем, выигравшим у кайзеровского Флота Открытого моря сражение при Моонзунде осенью 1917 года. Действительно, история не знает донских казаков, достигших чина вице-адмирала. Донской казак, лейтенант флота Михаил Бахирев стал первым кавалером ордена Святого Георгия 4-й степени среди донских казаков в XX веке. Но все по порядку...

Будущий герой родился 17 июня (по старому стилю) 1868 года в Новочеркасске, в семье казачьего офицера – ветерана обороны Севастополя 1855 года. Окончив семь классов новочеркасской гимназии, донской казак отправился на берега Невы, навсегда отказавшись от кавалерийской службы ради службы морской. В 1888 году мечта реализовалась – Михаил Бахирев приехал в отпуск на Дон уже в черном флотском мундире, с погонами мичмана. А вместо казачьей шашки по боку постукивал изящный кортик морского офицера. Связей во флотских кругах новоиспеченный мичман не имел, потому «законопатили» его на Тихоокеанский флот, который тогда назывался Сибирским флотским экипажем. Был Бахирев вахтенным начальником канонерской лодки «Бобр», затем штурманским офицером на транспорте «Амур». Лишь через десять лет его, наконец, перевели на более престижный Балтийский флот, чтобы сразу – в январе 1898 года – отправить на Дальний Восток, в длительный поход на канонерской лодке «Гиляк». На канонерской лодке «Гиляк» Михаил Коронатович участвует в Русско-китайской войне, именуемой также Боксерским восстанием, или восстанием ихетуаней.

Весной 1900 года в Поднебесной империи началось национальное восстание против ее оккупации иностранным капиталом. Плохо вооруженные, но храбрые до безумия китайцы сначала имели успех. Они захватили большую часть страны, но в Пекине круговую оборону заняли «белые колонизаторы»: дипломаты, торговцы, туристы. Были среди осажденных и подданные царя Николая II. Армии и флоты Великобритании, Франции, Германии, России, США, чуть позже Италии и Японии – «коалиция союзников» – были направлены на подавление национального возмущения китайцев. К китайскому побережью были стянуты все боевые корабли, оказавшиеся в этих водах. Среди них и канонерская лодка под Андреевским флагом – «Гиляк». Во время этого боя канонерская лодка «Гиляк», у которой даже не было броневое пояс, вела храбрую артиллерийскую дуэль с прибрежными, хорошо укрепленными фортами. В начале боя в «Гиляк» попал 203-мм китайский снаряд, однако канонерская лодка вела бой, несмотря на повреждение, команда потушила возникший пожар, подвела пластырь к пробойне, и через два с половиной часа корабль вновь получил возможность двигаться. Потери команды составили 8 убитых и 48 раненых. Стоит отметить, именно благодаря мастерству комендоров «Гиляка», а также комендоров канонерской лодки «Кореец» (той самой, что героически сражалась в паре с легендарным крейсером «Варяг» в бою у Чемульпо 27 января 1904 года) на фортах были взорваны пороховые погреба. Артиллерийский огонь с канонерок «Гиляк» и «Кореец» сыграл важную роль во взятии фортов Таку, а на приступ его стен бросилась десантная партия моряков под командованием штурманского офицера Бахирева. 4 июня 1900 года, под шквальным, но беспорядочным огнем китайского гарнизона, над фортом Таку был поднят русский флаг. За

это он и получил Георгия IV степени – одну из высших военных наград в Российской империи «в воздаяние отличных подвигов храбрости, оказанных при занятии 4 июня 1900 года фортов в Таку».

После окончания Китайской кампании и до начала Русско-японской Михаил Коронатович проходит службу на будущих кораблях-героях морских батальи с Японией, крейсере «Россия», клипере «Джигит», броненосце «Наварин». 18 марта 1904 года его назначают командиром миноносца «Смелый» в Тихоокеанскую эскадру, дислоцирующуюся в Порт-Артуре. В это время командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров назначал на боевые корабли только заслуженных, опытных и проверенных офицеров, так что это назначение говорит о степени доверия флагмана к лейтенанту Бахиреву.

Миноносец «Смелый» участвовал во многих боевых выходах, оставаясь в Порт-Артуре до конца осады (во время которой месяц шел за год государственной службы), нес дозорную и тральную службы, обеспечивая чистоту прибрежных фарватеров от неприятельских мин заграждения.

В ночь на 2 мая 1904 года миноносец «Смелый» под командованием Михаила Коронатовича сопровождал вместе с миноносцами «Скорый», «Сердитый» и «Стройный» минный заградитель «Амур», который выполнял задание по постановке мин заграждения в прибрежных водах Порт-Артура, на минах которого 2 мая подорвались и затонули два японских новейших броненосца «Хатцузе» и «Яшима». И это была единственная крупная удача русского флота в ту войну.

Осада Порт-Артура сделала из лейтенанта Бахирева, прошедшего уже и Китайскую кампанию, по-настоящему стойким и выносливым офицером. Уже в середине декабря 1904 года, когда генералы Стессель и Фок поставили вопрос о предательской сдаче крепости, именно лейтенанту Бахиреву поручили возглавить отряд миноносцев и паровых катеров для прорыва блокады и разоружения в китайских портах, дабы сохранить миноносцы для будущего возрожденного Русского императорского флота. 20 декабря в самый канун сдачи крепости миноносцы «Статный», «Смелый», «Властный», «Сердитый», «Бойкий», «Скорый», а также паровой катер «Ольга» под общим командованием лейтенанта Михаила Коронатовича Бахирева прорвали морскую японскую блокаду и достигли китайских портов, где и интернировались (разоружились) до конца кампании. «Смелый» и «Бойкий» – в германской военно-морской базе Циндао, а все остальные миноносцы интернировались в китайском порту Чифу. Предприятие это имело важный характер еще и потому, что прорвавшиеся миноносцы увозили из Порт-Артура войсковые знамена, секретные документы и многие другие важные для русской чести предметы, которые не должны были попасть к неприятелю.

12 февраля 1905 года в галерее героев Отечественной войны 1812 года Зимнего дворца государь император вручил донскому казаку, старшему лейтенанту Бахиреву золотое оружие с надписью «За храбрость» – «в воздаяние отличных подвигов храбрости и самоотвержения, оказанных в делах против неприятеля под Порт-Артуром». А в декабре того же 1905 года произведен в капитаны 2-го ранга. Продолжая службу на Дальнем Востоке, Михаил Коронатович назначается в 1906 году начальником флотилии рек Амурского бассейна. Но уже в 1907 году окончательно переводится на Балтику, командует минным крейсером «Абрек», миноносцем «Ретивый» и эсминцем «Амурец». В 1910–1911 годах – начальник 5-го дивизиона миноносцев Балтийского моря.

В 1911 году Михаил Коронатович произведен в капитаны 1-го ранга и стал командиром новейшего броненосного крейсера «Рюрик», который был флагманским кораблем командующего Балтийским флотом адмирала Николая Оттовича фон Эссена. Он, учтя уроки Русско-японской войны, подготовил Русский императорский флот к предстоящей мировой войне. А должность командира флагманского корабля – фактически должность начальника штаба командующего. А это говорит о многом – ответственности за образцовый порядок на корабле

и размещение штаба. Можно утверждать, что Михаил Коронатович Бахирев был деятельным сподвижником Николая Оттовича фон Эссена в деле возрождения флота.

Уже после начала Первой мировой войны 24 декабря 1914 года Бахирева «за отличие против неприятеля» произвели в контр-адмиралы и назначили командующим 1-й бригадой крейсеров Балтийского моря. Через год, в декабре 1915 года, Михаил Коронатович принял 1-ю бригаду линейных кораблей. Ее составили только что вступившие в строй «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь» и «Полтава».

6 декабря 1916 года Михаил Коронатович получил чин вице-адмирала. Над Россией сгустились сумерки, приближались смутные революционные события.

21 августа 1917 года Бахирев возглавил Морские силы Рижского залива. Пожалуй, именно опыт и авторитет адмирала Бахирева во многом повлияли на то, что флот в тяжелейших условиях 1917 года оказался на высоте.

Приказом № 37 от 12 января 1918 года адмирал Коронат был уволен со службы без права на получение пенсии. Пришлось на пороге 50-летия стать заведующим учетным отделением Центрального народно-промышленного комитета. И это был не самый худший вариант. В начале августа 1918 года Бахирева арестовали, и он провел в тюрьме чуть больше семи месяцев, его освободили 13 марта 1919 года. А вскоре Михаил Коронатович стал сотрудником оперативного отдела Морской исторической комиссии (Морискома).

Там он написал в двух экземплярах подробное описание рижских боев до эвакуации. Этот отчет – «Командующий Морскими силами Рижского залива вице-адмирал М.К. Бахирев», – датированный 11 июля 1919 года и написанный четким уверенным почерком, в настоящее время хранится в РГАВМФ в фонде р-1579 «Исторический отдел Главного Морского Штаба».

После провала наступления генерала Юденича на Петроград прошла новая волна арестов. 17 ноября 1919 года по обвинению в участии в белогвардейском заговоре арестовали и Бахирева. За два дня до ареста его уволили из Морискома, а еще чуть раньше Михаил Коронатович отказался от попытки бегства в Финляндию, которую ему предлагали.

В.К. Пилкин писал, что об аресте Бахирева было сообщено Верховному правителю с просьбой взять заложников, и, может быть, именно поэтому на заседании 9 января 1920 года Коллегия ВЧК постановила: «Бахирева Михаила... расстрелять, приговор привести в исполнение по особому постановлению Президиума ВЧК, оставив Бахирева в качестве заложника на случай террористических актов со стороны агентов белогвардейцев».

Особое постановление не заставило долго ждать, и через неделю, 16 января 1920 года, Михаила Коронатовича, адмирала Короната, расстреляли.

Несколько выдержек из воспоминаний контр-адмирала Пилкина о Бахиреве

Бахирев среднего роста, коренаст, несколько по-медвежьи неуклюж и косолап, что называется «неладно скроен, но крепко шит». Одеваясь перед зеркалом, улыбаясь, говорил: «Есть еще красивые адмиралы в русском флоте» – и, смеясь, добавлял: «А мой портной Каплан говорит: «Трудно на вас шить, ваше превосходительство».

Крепко сшитый Бахирев молодым офицером на канонерской лодке «Манджур» в китайских водах заболел чумой... Страшная болезнь! Но он выздоровел по крепости организма. Понадобилась, разумеется, операция. В маленькой каморке судового лазарета канонерки растянули на столе бедного Короната. Двое матросов сели ему на ноги, двое держали руки. Военврач Косоротов, именуемый кают-компанейцами Косоротушкой, с засученными рукавами и скальпелем в руке, едва ли не подавший, радостно декламировал: «О, радость! Я знал, я чувствовал заранее, что мне лишь суждено свершить столь славный подвиг! Близок уже час тор-

жества моего, ненавистный соперник лежит распятый предо мной. Не трудясь и не заботясь, я намерений достигну»...

Ни о каких, конечно, «анестезиях» речи не было.

«Мучительно ли было? – спрашивал я Бахирева. – Как вы перенесли операцию?»

«Плевал все время доктору в рожу!»

Косоротов оказался на высоте, вылечил Бахирева. Обыкновенно Косоротушка молчаливо сидел в кают-компании с рюмкой марсалы перед собой. Бывало, к нему тщетно зывал какой-нибудь мичман: «Доктор! Доктор!»

В ответ – молчание.

Опять: «Доктор! Доктор! Я болен».

Косоротушка подымает приветственным жестом рюмку с марсалою: «Твое здоровье, мичман» – и опять погружается в раздумье. Пациентов своих и их недуги он знал хорошо.

Впоследствии единственное, чем страдал Бахирев, – похмелье. Мне случалось слышать на «Петропавловске», которым я командовал, как мой адмирал зывал по утрам к своему верному, несмотря ни на какие «революции», вестовому: «Качалов! Качалов! Подыхаю! Подыхаю!»

«Обойдется, ваше превосходительство, не впервой!»

И действительно, на следующий день, бывало, Михаил Коронатович, веселый и бодрый, еще до подъема флага заглядывал ко мне в каюту со словами: «Бокал вина, капитан».

Михаил Коронатович был умным, простым и добрым человеком. Михаил Петрович Лазарев говорил о Нахимове: «Чист сердцем и любит море». Так же можно было охарактеризовать и Бахирева. Многие считали его весьма незаурядным человеком.

Завзятый холостяк, однако веселые морские дамы, по возможности с большими шляпками, веселили его сердце, правда, чувствуя бесполезность, не атаковали с матримониальными мотивами. Он с многими поддерживал дружеские отношения, любил эпатировать публику, например громко рассказывая где-нибудь в театре во время антракта, как от него сбежала жена с драгунским корнетом. Будучи командиром «Рюрика», он поселился не в каюте, полагавшейся ему по штату, а в одной из офицерских, поскольку ему нравилась жизнь кают-компаний. На вопрос «Почему так?» отвечал: «Да отсюда, видите ли, голоса из кают-компаний слышатся». Как командир, по уставу не мог столоваться в кают-компаний, но столовался не со штабом, а у себя, хотя и скучал в одиночестве, радовался, когда я, командир «Цесаревича», приезжал к нему на «Рюрик», и зачастую посылал за мной катер, приглашая обедать.

Со службой Михаила Коронатовича на «Рюрике» связан один комичный эпизод. Однажды, когда к ним на «Рюрик», которым он командовал, привезли институток, из института благородных девиц, мичманы и лейтенанты разобрали всех и повели показывать корабль, осталась их смотрительница, Коронат ходил по каюте, тер руки, смотрел в иллюминатор и вдруг произнес: «Мадам! Может, начнем с пивка и закончим приятное знакомство в недурной постели?!» Это, вероятно, анекдот, как вспоминали сослуживцы, но анекдот, похожий на Короната.

За кормой «Петропавловска» на Гельсингфорсском рейде в каких-нибудь двух кабельтовых находился остров Брэнд-Эри с хорошим рестораном. Бахирев любил иногда там завтракать. Но ему непременно нужен был компаньон. Флаг-капитану, как он меня именовал на английский манер, выпадала обязанность его сопровождать. «К началу занятий будем дома», – обещал он. Так обыкновенно и бывало, правда, иногда к нашему столику подсаживалась бойкая, веселая, остроумная эстонка, очень недурная собой.

«Иоганна, – говорил ей Бахирев, – ты сегодня прехорошенькая, глаза у тебя сегодня как два сапфира. И можно было с тобой посидеть в будуаре, но я сегодня занят сильно». Она хохотала и отшучивалась.

Бахирев пользовался огромной популярностью на флоте, ему доверяли, к его мнению прислушивались. Представитель старых морских традиций, он двадцать лет провел на корабле. Высшему начальству не импонировали некоторые его качества, возможно, поэтому, несмотря на достоинства, его кандидатура в качестве командующего флотом не рассматривалась. После революции команды на митингах выбирали себе начальников. Посудили-порядили и выбрали себе Бахирева. Михаил Коронатович вышел на палубу и спросил: «Вы мне доверяете?» В ответ галдят: «Доверяем! Доверяем!» – «А я вам не доверяю, – заявил Бахирев, – до чего себя довели, царь от вас отрекся». И спустился в каюту. Команда постановила: лучшего не найдешь, и другого не выбрала.

«Управляют Россией Советы рабочих и солдатских депутатов, – говорил Михаил Коронатович, – а следовало это дело поручить Совету флагманов и капитанов».

Возможно, действительно так?

Глава 1

Во попал!

I

Все началось в один из выходных дней, выпавших мне среди недели. Как обычно, в выходные я сплю до обеда, благо никто не мешает. Светка – гражданская жена – на работе. А мне что остается делать по этому случаю? Правильно, ни хрена не делать, только отсыпаться. Скоро пять лет, как мы со Светкой вместе, а детьми не обзавелись, хотя мне уже тридцать пять стукнуло. Вон у старшего брательника трое пацанов. На прошлой неделе приходили меня поздравлять – племянники, блин, мужики! Я всегда представлял племянников малолетками. Например, как у моей сестры, у нее дети еще малые – старшему только двенадцать, младшему шесть, вот с ними я чувствую себя именно дядей. А тут старшему Василию двадцать восемь, на каких-то семь лет младше меня, и второй племян уже армию отслужил, да и что той армии – год. У нас с ним дни рождения в один день, оба мы ноябрьские, праздничные, так сказать, я семьдесят пятого, он – десятью годами позже. Сейчас этот день в ноябре, так широко не празднуют, как когда-то в моем детстве, да и новый, придуманный вместо него еще не слишком прижился в народе.

Вы спросите: почему такая маленькая разница в возрасте? Да у нас с братом разница в пятнадцать лет, ему уже полтинник, есть у него еще один сын, семнадцатилетний оболтус, вот с ним я чувствую себя дядей. Правда, старшие двое тоже дядей величают, но слышать это от них как-то... даже слов не подберу, особенно от Василия, который стал недавно папашей. А я вот пока не папаша. Понимаю, надо что-то предпринимать в этом направлении, родня уже все уши прожужжала. А как же, у деда было трое, нас у отца трое, у брата с сестрой по трое. У дядек по отцу также по трое. Все они говорят, Бог троицу любит. Даже у племянника первенец – пацан. У меня один ответ: дескать, они за меня выполнили план по продолжению рода Мосуновых. А они предупреждают: захочешь на старости обзавестись, а как поднимать будешь, на ноги ставить? Времени-то хватит? И кто тебе, старику, стакан воды подаст напиться. Ага, они уж подадут тебе напиться, как же! Скажут – вставай, старый хрен, сам напьешься и нам принеси, и лучше не воды, а водки.

Нет, я, конечно, не против детей, вот только не с кем мне их заводить. Светка? Нам вдвоем хорошо, но детей от нее не хочу. Нет, раньше еще, в начале нашей, как говорится, совместной жизни, – да. Но сейчас – нет. Она не тот человек, я так думаю, да к этому и не стремится, у нас даже разговора на эту тему не было, и теперь мне не хочется иметь от нее детей. Мы просто привыкли друг к другу и живем для удовлетворения плотских потребностей, а вот насчет любви между нами... Есть у нас на работе одна девчонка – недавно пришла, прихорошенная такая, вот с ней я бы детей завел. Да и почему бы не завести детей? Для этого почти все есть – квартира, хотя и двушка, зато улучшенной планировки, почти семьдесят квадратов. Работа тоже есть. Зарабатываю неплохо, на жизнь хватает. Да и на свою харю не жалеюсь, кандидатки занять Светкино место есть, но зачем менять шило на мыло, если они того же поля ягоды. А я, как говорится, хочу найти свою принцессу, чтобы любовь была как обухом по голове: раз – и без памяти. Но, конечно, взаимной, а не притворной.

Похоже, я отвлекся. И вот по случаю двух законных выходных, провалявшись до обеда в постели, едва протерев глаза, хватаю тарелку с бутербродами и огромную кружку чая, сажусь за комп. Вначале полазил по разным сайтам, просмотрел последние мировые новости, не углядел ничего хорошего и сел за игрушку. Отвлекся, когда стало не в силах терпеть боль в пояснице,

да и желудок настойчиво просил чего-то съестного. С этой долбаной игрой и пожрать некогда! Как засядешь, так все, срабатывает синдром привыкания, не можешь бросить. Сколько там натикало. Гляжу на часы: ого, ничего себе, засиделся – скоро уже восемь вечера, вот-вот милая придет, а дома ни крошки хлеба. Так, надо быстрее смотаться в магазин, благо он в соседнем доме, и что-то прикупить на ужин, пока моя гадюка не приползла, а то опять шипеть начнет. Быстро набрасываю на себя куртку и, как есть, в домашних тапочках, лечу в магазин. Выскочил на улицу, а там уже подморозило. «Не замерзну», – подумал я и засеменяю к магазину. Не прошел и двадцати метров, как ноги попали на скользкий участок тротуара, я только успел подумать, что так можно и скопытиться, ноги отрываются от тротуара, и я лечу спиной и головой навстречу земле, и наступает темнота.

II

Все пять чувств моего организма начинают медленно приходить в норму. Первое: со слухом что-то не то – в голове сплошной шум. С осязанием, похоже, все в порядке. Если оно мне не изменяет, то чувствую под собой что-то наподобие постели, но до ужаса неудобной. Так что у меня от лежания на ней все тело болит. И при этом создается такое впечатление, будто и это тело вовсе не мое. Хотя постель была неудобной, то, что я спал на ней и видел сны, это однозначно, так как в моем мозгу проскакивали какие-то непонятные образы. На них женщины в старинных нарядах и большущих шляпах диаметром с хороший зонтик. Попадались барышни в каких-то кружевных панталончиках до колен, лежащие в кроватях, утопая в пуховых перинах, и кого-то томно подзывали к себе. Все такие пухленькие, не то что наши чувихи на полусогнутых стропках, кожа да кости, подержаться не за что. Мне даже привиделся кто-то, похожий на царя Николашку. Самое невероятное, снились мне старые военные корабли, коптящие небо угольным дымом, а вокруг поднимались огромные водяные фонтаны. Интересно, а почему мне приснились старые корабли – это, наверное, оттого, что мое третье чувство – обоняние – почувствовало запах дыма от сгоревшего угля. И это все на фоне чувств, что я немного вчера перепил.

«Пора вставать», – говорю сам себе, вот только не помню, когда это я вчера лег спать. Помню, что сидел, играл, а вот как оказался в постели, ни черта не помню. Да и постель какая-то неудобная – жестковатая. А почему так в голове шумит, и затылок болит, в висках стреляет – ну не пил я вчера. А может, пил? Да с похмелья ни хрена не помню, так как четвертое мое чувство подсказывало, что во рту сдохла собака, а это бывает только в одном случае.

А с кем я пил? Может, опять сосед Валера заходил? На халяву он мастер выпить, и куда только в него столько вливается? Я все время диву даюсь от этой его способности. Да и нюх у него на излишки денежных средств в чужом кармане почище любой милицейской собаки, натасканной на вынюхивание всякой гадости. Вот и он всегда знает, у кого лишние деньги в кармане завалялись и только ждут, чтобы их пристроили в ближайшем винно-водочном отделе. А язык у него подвешен так, что и мертвого уговорит встать из гроба и сбегать в магазин. Я точно помню, что у меня пара тонн левых было, не может быть, чтобы он меня вчера раскрутил на них. А хотя я что-то припоминаю насчет похода в магазин.

И тут вспышка: «Да я же вечером побежал в магазин за продуктами и упал, поскользнувшись!»

Да, хорошо я головушкой приложился, до сих пор все качается. И сколько же я был без сознания? Интересно, я дома или в больничке отлеживаюсь, и тут понимаю, что мое пятое чувство почему-то не воспринимает окружающий мир, то есть я ни фиги не вижу. Что с глазами, почему открыть не могу? Рука тянется к лицу. А это что такое? Нащупываю на лице усы. Так, сколько же я тут пролежал в отключке? Что даже усы выросли, а где тогда борода, а только легкая небритость. Щупаю себя по подбородку. Ну не может быть, чтобы моя Светка меня да побрила. Наконец руки добрались и до глаз. Это что за тряпка такая? Натыкаюсь руками на какую-то ткань на глазах. Что же со мной и с моими глазами случилось, после того как я приложился головой об асфальт? Осторожно ощупывая ткань рукой, потихоньку тяну ее кверху, появилось светлое пятно, резко сдергиваю ее. О, чудо! Я вижу. Это оказалось полотенце, которое лежало на моем лице. Но вот оно, почему-то было влажное. Вспоминаю – влажное полотенце кладут на лоб, чтобы сбить температуру. Пощупал лоб, вроде температура нормальная. Осматриваюсь, опять прихожу в полное недоумение. Черт, где это я? И что здесь происходит? Лежу я на кожаном диване, это точно не больничка и на собственную квартиру подавно не похоже, потолок слишком низок, и окна больше на иллюминаторы похожи. На корабле? Вот

екарный бабай. Это что же выходит: пока я был без сознания, меня кто-то подобрал на улице и через весь город в порт перевез да на корабль затащил. А зачем?

Осматриваюсь вокруг – два кожаных кресла, стол с какими-то бумагами на нем, над столом что-то вроде настенных часов, которые показывают 6.17. «Интересно, а сейчас утро или вечер?» – промелькнула мысль. Далее были полки со старинными книгами и морскими инструментами. Да это все раритеты, наверное, огромных бабок стоят. Похоже – хозяин, что приютил меня, не бедный, раз столько антиквариата в одном месте. И все же где я нахожусь? Что на корабле – это понятно, и что он находится на плаву – это тоже, потому что он покачивается. Что это – похищение? Да кому я нужен, за душой ни гроша. Нет, тут что-то другое.

Встаю с дивана, прохаживаюсь по каюте, чувствую, все это смутно знакомо, будто мое. Подхожу к зеркалу, и моя челюсть падает на пол. Я пару минут не мог вымолвить ни слова, уставившись в серебряный овал зеркала. На меня смотрит чужое лицо. Мужчина лет пятидесяти, среднего роста и средней же упитанности, повидавший немало в своей жизни. Что за!!! (И дальше было очень много слов из могучего и неповторимого русского языка в разной последовательности.) Сильно же я долбанулся своим кочаном, раз всякая хреновина мерещится. Я потрогал зеркало, думая, что это какой-то экран и изображение – какая-то компьютерная картинка. Нет, это не экран. Изображение на экране повторяло те же движения, что и я. Значит, меня какие-то шутники загримировали, пока я был в отключке. Дергаю себя за усы. Ой, черт, больно! Значит, настоящие. Тяну за щеку, тот же результат. Неужели это все мое и без грима? Неужели это то, о чем я думаю? Произошел перенос сознания из одного объекта в другой? Сейчас об этом пишут в модных ныне книжках. Интересно, а почему я тогда не чувствую сознания предыдущего хозяина? Я что, после его смерти в его башку переместился? Или какие-то экспериментаторы вынули мой мозг из разбитой пополам черепушки и засунули в это помятое тело? А где мое тело? Неужели так пострадало, что для спасения мозга его впили в какого-то алкаша бомжеватого вида? Щупаю свою голову и проверяю, нет ли каких-либо швов на черепе. Голова целая, крышку с нее не снимали. Да и кому нужен мой мозг, я не мировая знаменитость. С пересадкой мозга я загнул, решил себе польстить. Неужели все же перенос? Надо посмотреть, где я нахожусь, кто меня приютил. Вдруг это какой-то гипноз, я тут как дурак кривляюсь, а они смотрят на меня со своих мониторов и покатываются от смеха. Покрутил головой в поисках видеокамер и микрофонов. Да нет, ничего такого я не вижу, или все хорошо замаскировано. Решил еще раз внимательно оглядеть комнату. Кожаный диван, два кресла, шкаф, стол, полки. Стоп! Стол, а что там? Вижу, что на столе лежат какие-то бумаги, – решил на них взглянуть.

Подойдя к столу, взял один лист и стал читать: «Приказъ Командующаго Флотомъ Балтшскаго моря». Да что тут за белиберда написана! Повертев бумагу в руках, понимаю, что это какой-то старинный документ и написан он старым русским шрифтом с ерами и ятями, что было в дореволюционной России. Кроме бумаг, тут были и газеты, напечатанные точно таким же шрифтом, и все они датированы июнем 1915 года.

Получается, я, точнее, мой разум, сознание, или еще как можно это назвать, хрен его знает каким способом провалился почти на сотню лет в прошлое. Да, кроме того, ко всей этой чертовщине и на радость нечисти, я чуть во всю глотку не заорал: «Да тут война идет, люди гибнут!» Если выживу, потом еще революция. Это что, шутка такая, я же родился с 6 на 7 ноября. Мой отец радовался, что в праздник родился и есть по этому случаю законный повод выпить. Теперь вот меня в праздник прихлопнут, а если не прихлопнут в праздник, так Гражданская война грянет, там уж наверняка хрен выживешь. Красные. Белые. Зеленые. Серо-бурмалиновые в крапинку, да кого только не будет на просторах России! Дальше красный террор, еще одна война, но до нее-то я в этом брэнном теле могу и не дожить. А сейчас мне что прикажете делать, куда податься, к кому примкнуть. Или свалить за границу, там пересидеть. А что я умею в этом мире, в принципе ничего, хотя нет. Смогу пристроиться в какую-нибудь

фирму техническим консультантом – предсказателем новых идей. Но для начала нужны «мани-мани», а где их взять. А зачем мне за границу, можно и здесь попробовать пристроиться, но для начала осталось узнать, в кого меня нелегкая засунула, кого-то эта физиономия мне напоминает. Определенно, я что-то про нее читал. Надо заглянуть в шкафчик и глянуть на шмотки, может, по ним что определим.

– Вот ни хрена себе! – вырывается у меня возглас после того, как открыл шкафчик.

В шкафчике висит мундир, на широких его погонах было по двуглавному орлу – это что ж получается, я тут контр-адмирал.

Да, не хило я тут устроился. А может, меня судьба в Колчака засунула. Нет, что-то мне не хочется быть Верховным правителем, тут как пить дать грохнут и утопят. Да нет, не похож я на Колчака, у меня рожа пошире. Да и контр-адмирала он получил, если не изменяет мне память, в шестнадцатом году. Сейчас заглянем вот в этот железный гроб, называемый сейфом, уж там точно что-то да будет адресовано хозяину этой каюты. Закрыто, а где ключи? Если я хозяин этих мест, то должны быть в кармане.

Нахожу ключи у себя в кармане, открываю сейф и заглядываю вовнутрь.

– Что тут такое в бутылочке? Ага, коньячок! Неплохо, неплохо, есть чем стресс снять. А это что? Пакет. И что на нем написано, опа-на, «Его Превосходительству Контрадмиралу Михаилу Коронатовичу Бахиреву». Ежкин кот, его же красные тоже к стенке поставили, как и Колчака.

Ой, я жить хочу! И за что мне такое счастье привалило, что именно в это тело запихнули? Что, не могли найти помоложе, лет так на двадцать – тридцать. Или хотя бы в моего деда засунули, он как раз в апреле этого года родился и прожил неплохую жизнь до начала двухтысячных, ушел из жизни в здравом уме и твердой памяти, без малого в девяносто лет.

Что самое интересное во всем этом, это то, что он, единственный в нашем роду, был военным моряком и вышел в отставку в звании капитана первого ранга. Я, глядя на него, тоже захотел стать военным моряком, но судьба сыграла со мной злую шутку. На самом деле я стал военным моряком, вот только погоны на моих плечах продержались меньше недели. В 99-м окончил Санкт-Петербургский военно-морской институт, до 98-го года именовавшийся Высшим военно-морским училищем имени Фрунзе. И новоиспеченный штурман лейтенант Михаил Николаевич Мосунов получил назначение на Северный флот.

И вот мы с другом и однокашником Пашкой Смирновым, с которым выросли-то в одном дворе, направлялись к месту службы на поезде. Вот с этого поезда все и началось. Поехал бы я другим поездом, возможно, моя жизнь пошла бы по иному руслу.

Ехали в купе в теплой компании с еще двумя такими же лейтенантами, с большими планами на будущее. Естественно, навеселе, ну как без этого. И как всегда в таких случаях бывает, наши запасы горячительного закончились, а продолжения банкета жаждали все. Бросили жребий – кому предстоит двигать на поиски спиртного. И я, как самый «везучий», отправился на его поиски. Это ни для кого не секрет, что у каждой проводницы вагона есть запас горячительного. Но тут вышел облом, у нашей как раз за полночь этот запас закончился. Чутко бабонька не рассчитала, последнюю бутылку за пару минут до моего прихода такому же жаждущему толкнула. Она, конечно, меня ободрила тем, что ее закрома в скором времени опять пополнятся, но это будет только через час. Вот только нам некогда ждать, потому что ну очень уж надо было.

По ее наводке направился я дальше, и путь мой лежал через три вагона, к какой-то Фаине. Миновав пару вагонов и проходя через тамбур, я повстречал там тройку каких-то парней, как мне показалось, мило беседующих с девушкой. Ну, беседуют и беседуют, мне-то какое дело, и пошел дальше. Но тут я заметил перепуганные глаза у девки и блеснувший нож у ее бока.

«Да тут насилие над личностью происходит», – подумал я.

Такого кошунства по отношению к этой особе женского рода я вытерпеть не мог. Прикидываться пьяным мне сильно не надо, и так заметно. Споткнувшись о мнимое препятствие, я, как будто ища равновесие, схватился за одного из отморозков руками за шею и со всей мочи въехал ему коленом между ног. Он только замычал, хватая воздух ртом и сгибаясь от боли. В этот момент я толкаю его на того, кто был с ножом, и они оба падают на пол. Третий оказался более шустрым и более опытным бойцом, так как мой кулак, нацеленный ему в голову, только слегка задел его скулу – он успел отшатнуться. Но возможно, это повлияли на мой прицел и реакцию граммов четырехста водки.

Я не знаю, что в этот момент думала девка, но она так и стояла с открытым ртом, а глаза она вытаращила от ужаса, как лемур. «Что стоишь, ду-у-ра, а ну бегом отсюда», – крикнул я ей. Полностью еще не очнувшись, она закивала так быстро, как дятел на суку, поглядела на поднимавшегося негодяя, того, кто был с ножом, второй еще корчился на полу, держась за яйца, и, перепрыгнув через него, рванула в вагон. Теперь передо мной было два противника, у одного был нож, второй надел на руку кастет. С двумя еще мало-мальски справлялся несколько раз, отправляя их по очереди в нокдаун, но вот когда к ним присоединился третий, я стал терпеть поражение. Я не знаю, кто приложился по моей головушке, но свет в глазах выключили.

Пришел в себя я под откосом, с залитой кровью головой и с огромной шишкой на макушке, весь изодранный при падении и в драке. Самое скверное во всем этом, у меня при полете из вагона была сломана нога, и, как оказалось впоследствии, был сложный перелом в двух местах с раздроблением. Подобрали меня местные жители в двух километрах от Беломорска. Больше месяца на больничной койке вначале там, потом меня родители перевезли в Питер. Так что на этом моя служба на флоте закончилась не начавшись. Поначалу стал хандрить, потом с горя чуть не запил, хорошо, хоть дед привел меня в чувство, но два года пропало. После всего этого я начал искать место, куда себя пристроить, после нескольких смен работ я и оказался в этом злополучном «Эльдорадо», где и прижился.

С флотом пришлось не по своей воле завязать, но интерес к его истории, что привил мне дед с детства, у меня не пропал. Много на эту тему интересовался. Немало книг перечитал о войне на море. У деда была хорошая библиотека на эту тему, а почему была, она и сейчас вся целая, да все это время, как дед подарил ее мне, пополняется новыми изданиями. Да и сам он в свое время рассказывал мне много морских историй и о своей службе тоже. Я еще начиная со школьных лет, будучи и курсантом ВВМУ, пытался в своих размышлениях ставить себя на место того или иного командира корабля или соединения. У нас с дедом часто случались такие вот «командно-штабные» баталии. Выбирали какой-либо морской бой из любой эпохи, задавали себе вводную и воевали до хрипоты. Этими играми мы занимались с дедом и после моего несчастья, но с каждым годом все реже и реже, а потом и дед умер.

Мне кажется, меня специально именно в это тело запрессовали. На что-то надеются эти экспериментаторы или кто там еще, черт их разберет. Ну, я вам устрою! Если мне в своем времени не повезло с флотом, то тут я уже достиг больших высот. Вот только у меня нет практики, одна теория. Придется выкручиваться из всей этой истории, чтобы остаться в живых.

Только сегодня я радовался жизни, пусть никчемной и скучной, дом-работа-дом. Дома что, постель-туалет-кухня-кресло-телек-комп-кухня-туалет-постель, вот и все радости. На работе – я продавец-консультант в магазине «Эльдорадо» – тот же расклад. Вечно недовольный директор, вечно недовольные, раздражающие своей начитанностью покупатели, тупые до ужаса, им можно все всучить, и они будут рады до усрачки, что им так повезло купить именно то, что они хотели (но это не всегда так). Были мысли изменить жизнь к лучшему, найти нормальную вторую половину, завести детей. А то со Светкой наверняка плесенью покроешься, для нее жизнь – течет и течет, и хрен с ней, никакого разнообразия. Теперь и этого не будет. Было мне тридцать пять, этому адмиралу около полтинника, итак, больше червонца лет коту под хвост. Там я еще мог на что-то надеяться, а тут? Хотя в этом времени, кажется, принято

старикам, вроде меня, жениться на молоденьких, да и вдовушек среднего возраста теперь в избытке, словом, не все потеряно. Все, хорош! Пора расслабиться, а то мозги закипят. Где стакан? Да ладно, можно и из горла. Конечно, чересчур, можно сказать, свержнаглость, коньяк из горла. Но если я сейчас не выпью, тогда точно чокнусь от всего этого, что навалилось тут на меня.

Хорошо пошел, чувствую, как разливается тепло внутри, еще пару глотков вдогонку, для полной ясности ума. Это же не спирт, почему так в голове зашумело. Ой, сейчас опять брякнусь, скорей-скорей на диванчик головушку положить надо.

Через пару минут в голове прояснилось, шум и головокружение прекратились. Видимо, перенервничал. Какой человек в здравом уме сможет вот так спокойно все это переварить. Когда такое было, чтобы после ста граммов так улетал. Да ни в жизнь! И что за мысли про-скакивают, никак хозяин этого тела просыпается. Надо все расставить по полочкам, кто тут главный, а кто на подхвате. Похоже, доминирую я, хозяин не в претензии от моего лидерства, но просит залить еще граммов сто, они вчера хорошо погуляли. Он отключился и ничего не помнит. Значит, не будет оспаривания моих действий, если что пойдет не так, думаю, он подскажет правильное решение. Я сделал еще пару больших глотков для прояснения и своего, и его сознания. Адмирал вчера неплохо погулял, и это перед самым выходом на боевое задание. Ну, нигде у русского без стакана и баб не обходится. Хотя он не чисто русский, но душой – на все сто или даже двести. И вот в этой голове два сознания начали препираться, кто тут должен быть на троне.

Кто я такой? Твое второе «я». Нет, я не чертушко и тем более не белочка, если ты подумал о том, что пора завязывать с возлияниями. Придется тебе уступить свое место мне. Что! Нет? Не хочешь уступать лидерство. Хорошо, давай, как говорится, сядем за стол переговоров.

– Хорошо!

– Вот и отлично. А теперь слушай и не думай, что сходишь с ума, хотя и не факт, или это я сошел с ума, и эта чертовщина мне мерещится. Так вот, я не знаю как, но по воле какой-то неведомой силы я, Михаил Николаевич Мосунов, тридцати пяти лет от роду, житель XXI века, то есть не я сам, конечно, а только мое сознание попало в тебя, и это случилось в тот момент, когда мы оба были с тобой в отключке.

Вы тут немного перебрали и вырубались, а я там шандарахнулся на улице, и головой об асфальт. И вот мое сознание теперь в твоей голове, я не помню точно, на сколько процентов задействован в работе мозг одного человека, на пять или пятнадцать процентов. Так что тут места еще хватает. Но у нас с тобой есть одна маленькая проблема.

– И что это за проблема?

– Ну как тебе это сказать. Раз я из будущего, то знаю, что будет, например, завтра или через месяц, а вернее, что происходило в это время, но в той временной реальности, из которой я прибыл. Теперь, когда меня сюда забросило, должно что-то измениться, да и мы с тобой должны повернуть ход истории по другому руслу, более благоприятному для России.

– Ну, ты и наговорил сейчас, что я ничего не понял.

– Короче, я знаю многое о том, что происходило в этом мире с древних времен и до начала XXI века. Конечно, не в полном объеме, а то, что усвоил в школе, да и в последующем, читая книги, исторические документы, смотрел познавательные телепередачи по ящику.

– А что это за ящик с телепередачами?

– Ты спрашиваешь, что такое телепередачи и ящик. Как тебе объяснить, это домашний кинематограф. Это будет еще нескоро, так что объяснения пропустим. Как я сказал, мне кое-что известно об этом времени, и я мог бы изменить ход истории чуть в лучшую сторону, чем она была впоследствии. Но я мало смыслю в командовании соединениями кораблей, а это тебе сейчас очень понадобится. Ты знаешь, как надо воевать на кораблях, но не знаешь, где и как

можно подловить и хорошо надавать немцам за их пренебрежение к нашему флоту. И особенно это может произойти в самое ближайшее время. Так как твоя бригада скоро выходит в море.

– А тебе откуда это известно?

– Вот только не надо говорить, что это тайна. Для меня, появившегося почти через сто лет после этих событий, никакой тайны не существует. Да-да, я говорю о предстоящем выходе твоей бригады для обстрела Мемеля. Могу тебе сообщить все, что знаю, о предстоящем бое, совсем недавно читал о нем. Поведаю о ходе боевых действий на Балтике и Черном море, об ошибках, допущенных нашими адмиралами, в том числе и тобой. Обо всем, что случится потом в России. О твоей судьбе, которую ты можешь изменить. Загляни в мою память. В феврале 1917 года народ, уставший от войны и подстрекаемый разными социал-демократами, в том числе даже людьми из правительства, забастовал, на улицы вышло более двухсот тысяч человек. Беспорядки, нападения на полицейские участки, солдаты Петроградского гарнизона также выйдут из повиновения, будут убивать своих командиров, в городе начнется полная анархия. Люди из правительства, такие как Гучков, Некрасов, Родзянко, из военных – Алексеев, Рузский, эти предадут своего государя. Насчет последнего, надо бы его уже сейчас убрать из войск и отправить на пенсию, да выслать куда подальше. В последующем к столице и другим центральным городам не подпускать. Все эти названные ренегаты впоследствии будут настаивать на отречении государя, чтобы успокоить народ. На флоте то же самое, убийство офицеров, в первую очередь на тех кораблях, которые почти всю войну простояли в базах. Николай отречется в пользу брата Михаила, правда, это мало что изменит. Народ-то уже закусил удила, воевать отказывался, фронт еле держался. Тут большевики в авангард, пообещав народу, в случае захвата власти, завершение войны, заводы – рабочим, землю – крестьянам. И народ поддерживал, армия и флот тоже. Большевики захватили власть. С немцами подписали позорный мир, фронты сразу рассыпались, все ринулись домой, с оружием. Немцы воспользовались ситуацией и заняли почти всю Украину, Белоруссию, прибалтийские губернии. Но народ землю не получил, впрочем как и рабочие своих заводов. А потом Гражданская война и миллионы погибших.

Дальше – страшнее, еще миллионы трупов. В 1939-м Германия развязала новую войну, еще более страшную и кровавую. Все сходятся во мнении, что она стала продолжением августа 1914 года. Немцы решили взять реванш за унижительный финал этой войны, когда они много чего потеряли. Правда, это уже другая история и случится еще не скоро. Хотя, если удастся ее немного изменить, в первую очередь предотвратить раскол общества, не допустить отречения Николая, довести войну с Германией до победы, а она обязательно наступит, тогда все, что произошло в моей реальности, может, и не случится, поскольку будущее России изменится к лучшему.

– Расскажи-ка мне о предстоящем выходе. Ты упомянул о бое, вот и расскажи, что знаешь.

– А, понятно. Тебе о бое конкретно? Что ж, изволь. Этот бой в наше время считается упущенной победой. Перестраховался ты немного с определением сил противника и упустил крупную победу.

Если бы кто-то посмотрел на то, как я разговариваю сам с собой, подумали, что адмирал спятил или его после вчерашнего чрезмерного возлияния посетила шустрая лесная зверушка – белочка.

Я начал передавать информацию, которую знал. Все касалось той войны, революции и ее последствий. Особо подчеркнул, что от бездействия линкоров, простоявших почти всю войну в базе, будет много проблем. Нет, не с самими линкорами, а с их экипажами, которые от безделья подались в политику. Вот если бы эти корабли хотя бы изредка выходили в море, одержали там маленькую победу, пусть ничего не значащую в масштабах войны, возможно, они бы по-другому смотрели на эту войну. А так началось брожение среди матросов – одни выступали за прекращение войны, хотя почти всю войну пробыли в базах и, по сути, об этой войне ничего

не знали. Другие хотели отсидеться за спинами товарищей и воевать не хотели. Третьим – да просто глотку подрать. Были и такие, что призывали за войну до победного конца, но в семнадцатом таких в экипажах линкоров было меньшинство.

Потом рассказал все, что знал как о его судьбе, так и некоторых сослуживцев. Было еще много всякой полезной информации. Потом пошел обратный процесс передачи его знаний в мое сознание. Произошел обмен информацией, наши сознания слились. Теперь мы были одно целое, со знаниями двух разных людей, двух эпох.

III

После того как в голове все устаканилось и пришло к логическому завершению, именно с этой секунды история этого мира начала пробивать себе новую дорогу.

«В горле что-то пересохло после всего этого, не мешает чайку попить», – возникла сразу мысль в моей голове.

– Эй, есть кто живой? Вестовой, каналья! Спишь.

– Никак нет, ваше превосходительство, – ответил появившийся матрос.

Он стоял около двери, вытянувшись в струнку. Было видно, что не первого года службы, на вид лет сорок, с нашивками старшего унтер-офицера морской службы (боцманмат). В сознании, по подсказке хозяина тела, всплыла фамилия Качалов, да это же мой вестовой.

– А по твоей, братец, роже видно, что дрых. Ладно, сделай-ка мне чайку, да покрепче.

Качалов так удивленно на меня посмотрел, пожал плечами:

– Будет сделано, ваше превосходительство.

Это потом я понял, почему так посмотрел на меня вестовой, обычно после хорошей выпивки я требовал не чаю, а рассолу или стакан вина. Через пару минут появляется. В руках поднос со стаканом чаю в подстаканнике, сахаром, наколотым мелкими кусочками, и тарелочкой со сдобными булочками. Чай я пил, как привык в свое время, то есть с тремя кусочками и не вприкуску, как принято в этом времени, а растворив, и закусывая булочками.

«А булочки тут бесподобные, не то что наши резиновые или недопеченные. Сразу понимаешь, что все они сделаны руками и с душой, а не бездушной машиной», – отметил я первое различие наших миров.

Попивая чаек, я начал планировать свои действия на будущее, пока нахожусь здесь.

Первое: во что бы то ни стало одержать более весомую победу, чем в той реальности, после чего появится больше шансов изменить дальнейший ход истории.

Второе: написать докладные записки – одну адмиралу Григоровичу о реорганизации флота, другую командующему.

Третье: составить полный отчет Николаю II о том, что ждет страну, его самого вместе с семьей, если он будет продолжать в том же духе и не возьмет на время войны власть в свои руки, и как это сделать. Очень мне хотелось, чтобы не было последующих семидесяти лет крови, боли, унижения, разрухи, застоя. Ведь все равно почти все вернулось на круги своя, но страна многое потеряла. Теперь догонять и догонять. Самое обидное: мы уже находились на пороге победы в этой войне, еще год бы потерпели, и война закончилась поражением Германии. А так лавры победителей достались западным союзникам. Нам же – Гражданская война и разруха. Вот это я и хочу предотвратить.

Итак, сегодня, как я успел заметить, 17 июня 1915 года, и подготовка к выходу в море должна уже закончиться. Сейчас бригада должна догрузиться углем, получить последние уточнения касавшиеся предстоящей операции и к вечеру выйти на рейд Пипшер.

Стоп. 17 июня, а что у нас 17-го числа? Вот черт! Так еще сегодня у меня – у нас – день рождения. Вот ведь козлы, подгадали начало операции на такой день. Кто это так решил на мне отыграться? Ах да, это же не наши. Это же Вильгельм на завтра смотр в Киле своему флоту назначил. Похоже, поэтому-то я и отметил свой день рождения в ночь на 17-е. И видно, неплохо погулял. Я хоть не один был или один? Что-то опять мой сосед молчит, нет чтобы подсказать, с кем это я так надрался. Может, Прохора расспросить. Хотя нет, не буду, но с этого дня пьем только по минимуму и по великим праздникам.

Пока время позволяет, надо самому вспомнить все, что читал о последовательности той самой операции в моей реальности, и подкорректировать ее с учетом тех знаний из будущего в свою пользу. Вот только надо Прохору наказать одно поручение.

– Прохор, – позвал я своего вестового.

– Звали, ваше превосходительство?

– Да. Мигом предупредишь меня, как только прибудет катер со штаб-офицером. Договорись с сигнальщиками об этом.

– Будет сделано, ваше превосходительство?

На эту умственную работу у меня ушло более часа напряженной работы нейронов в сером веществе, которое, как я полагаю, находилось в моей голове. Ой! Извиняюсь, это не моя голова, а голова моего объекта, в которую я попал на подселение. Тут раздался стук в дверь, прерывая мои размышления о превратностях судьбы и планах на будущее.

– Войдите!

И тут же нарисовался вестовой Качалов.

– Ваше превосходительство! Вы просили предупредить вас в тот же миг, как только подойдет катер с берега со штаб-офицером. Он подходит.

– Так, братец, пригласи-ка ко мне флагманского штурмана Крыжановского, чтобы был у меня через десять минут. И как только освободится Павел Михайлович, пусть также зайдет ко мне.

А мы сейчас приведем себя в порядок и встретимся с посланником, капитаном второго ранга князем Черкасским. Чего-то нового из того, что я уже в общих чертах знаю, он не расскажет, но сделаю вид, что внимательно слушаю. «А князь-то в какой-то мере мой земляк, так как довелось ему родиться в Новочеркасске», – подсказала мне память хозяина этого тела.

Сейчас мы его озадачим. Интересно, если я ему прямо в лоб начну рассказывать о том, что почти год мы тут хреново воюем и надо что-то с этим делать, как он на это отреагирует. Я знаю, что он выступает за активные боевые действия на море, и он не один такой в штабе флота, да и на действующих кораблях сторонники у него найдутся, но вот среди адмиралов таких немного. Слишком давит синдром Цусимы.

Глава 2

Первый шаг

I

– Ваше превосходительство, можно войти?

– Входите, входите, Михаил Борисович. Рад вас видеть.

Мы пожали друг другу руки, как хорошие знакомые, все же мы с ним знакомы не один год.

– И с чем это вы, Михаил Борисович, сегодня к нам пожаловали?

– Да вот на время боевой операции я буду приписан к вашему штабу. А посему вам пакет от командующего флотом.

Черкасский протягивает серый объемистый пакет, обклеенный сургучом. Беру его и, повертев в руках, как бы спрашивая себя, а что мне с ним делать, кладу на стол.

– Я полагаю, вам известно, что находится в этом пакете? – спрашиваю князя.

– Да, я предупрежден. Тут последние инструкции по предстоящему делу.

– Что, опять какие-то изменения в планах предстоящей операции? Хорошо, сейчас подойдут мои доверенные офицеры, они в курсе этого похода, тогда и вскроем этот пакет. А пока, Михаил Борисович, прошу присесть. Пока ждем моих офицеров, не желаете чем-нибудь перекусить?

– Не извольте беспокоиться, перед тем как отправиться к вам, я отобедал.

– Тогда, может, просто чайку или коньячку?

– Что-то сегодня на коньячок меня не тянет, а вот от чаю не откажусь.

– Прохор! Приготовь-ка нам чаю и не забудь о господах офицерах, которых ты позвал.

Спустя мгновение появился Прохор с большим фаянсовым чайником и другими чайными принадлежностями и накрыл нам стол.

– Князь! Михаил Борисович, вот скажите мне, вы там все время при штабах. Мне вот интересно узнать, какие еще планы по уничтожению германских кораблей вы разрабатываете, кроме вот этой вылазки, что похожа больше на мышиную возню, чем на настоящую операцию. Вы там что-нибудь путное можете придумать? Пока на Балтике у германцев минимум сил, надо вдарить по ним так, чтобы у них от удивления яйца бантиком завязались. Вы что, сидя там, не понимаете, что немцы сами нам отдают инициативу, а мы держим свои линейные корабли в заливе и боимся нос высунуть оттуда?

– А что мы можем поделать, если государь запретил использовать линейные корабли, а что могут наши броненосцы, когда у принца их в два раза больше. Хотя их и вправду в несколько раз больше нашего, но и они, как и мы, не проявляют большой активности. У нас разве что только «Слава» да «Цесаревич» пыхтят, а остальные в базе отстаиваются. Даже «Павел» с «Андреем» в море не выходят. Да по большому счету мы все простаиваем в базах или стоим у минной позиции, ждем, когда это принц Генрих попытается проникнуть в Финский залив. Ты мне скажи, зачем он сюда полезет? В прошлом году ведь они предприняли попытку проникнуть в залив.

– Князь! Ну, ты и вспомнил! После того случая почти год прошел, и больше они ничего не предпринимали. Поняли, что свой флот мы в море не выведем и у их берегов не появимся. Не считая нескольких вылазок, в том числе и моей. А если начистоту, так они же тогда проникли в залив и почти наполовину прошли его. Не налети «Магдебург» на мель, они вполне могли нам хорошо напакостить, а потом так же незамеченными уйти. Да, с началом войны, когда адмирал

Эссен был жив, мы еще что-то предпринимали, а теперь все заглохло. И опять, как десять лет назад, прячемся по базам. Ясно, у нас еще синдром Цусимы не выветрился.

– Михаил Коронатович, я не пойму, к чему ты клонишь?

– Надо уговорить царя снять запрет, пока у нас есть возможность нанести серьезный урон противнику. Надо почаще выходить крупными силами в море да пройти вдоль побережья Германии и навести там шороху. А то у нас скоро такой возможности не будет. Германец сейчас нажимает на сухопутном фронте, рвется в глубь России. Помяни мое слово, скоро они начнут наступление через Курляндию по направлению к Риге. Для поддержки приморского фланга своих войск Вильгельм попросит своего брата задействовать весь свой флот Балтийского моря. Ты представляешь, что будет, если они возьмут Ригу?

– Это же двести верст от теперешней линии фронта. Не может такого быть, чтобы их так близко подпустили к столице.

– Что такое двести верст? За последнее время насколько мы отступили? Молчишь, вот то-то и оно. Так что, я думаю, к августу они выйдут к Риге. А у нас Ирбенский пролив не защищен. Там до сих пор ни одного орудия не поставили. Ладно, мин мы можем быстро накидать, но минные поля без прикрытия – это только до первого подрыва, а потом придут тральщики... И все, препятствия больше нет.

– Насчет прикрытия Ирбенского пролива, Михаил Коронатович, ты прав. Надо срочно установить на Цереле хотя бы одну батарею, да в районе Михайловского маяка вторую, чтобы они полностью пролив собой перекрывали.

– Вот на побережье, я думаю, ставить батарею не надо, так как ее противник с суши возьмет. А вот Церель – это другое дело, туда надо бы установить новые двенадцатидюймовые орудия, не менее четырех штук. Месяца через два кайзер перебросит свои дредноуты на Балтику, чтобы помочь своей армии взять Ригу и открыть ей путь на Петроград.

– Да с чего ты взял, что через два месяца германец дойдет до Риги. И не посмеют они сюда свои дредноуты перебросить и оставить англичанам Северное море. Насчет броненосцев еще туда-сюда, я могу предположить, но линкоры – это вряд ли.

– А ты что думаешь, если германец линкоры сюда перебросит, так англичане сразу бросятся побережье Германии бомбардировать или даже высаживать десанты? Да ни хрена они делать не будут, а останутся в своих базах и будут поглядывать: а что русские смогут противопоставить германской армаде? Еще и ставки будут делать, кто больше потеряет кораблей.

– Михаил Коронатович, я что-то тебя не узнаю, да и не слышал от тебя таких высказываний раньше.

– Высказывания как высказывания, а что ты хочешь, скоро год войне, и ты сам видишь, она пострашнее той, предыдущей. А что было сразу после нее? Смута и бунт. И все из-за чего? Да очень все просто: мы ее проиграли. А теперь представь, что будет после этой, если мы и ее проиграем, страшно представить. А мы ее можем и проиграть, если вот так будем воевать, прячась в заливе, а не наносить ударов по противнику. Обыватели и так ведут разговоры о ничемности нашего флота, простаивающего в портах. Надо, дорогой князь, хотя бы пару маленьких побед одержать, именно лицом к лицу с противником, а не минами. Хотя это тоже нужно, слов нет, и мы доказали этой зимой.

Немцы не хотели верить, что русские моряки на старых калосах, принимавших участие еще в той войне, осмелятся выходить в море, пробиваясь через лед, а там, под самым неприятельским берегом, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых они понесли немалые потери. Но вот в артиллерийском бою с кораблями противника, чтобы похоронить дух Цусимы и забыть его на века, нам за это время так ни разу и не удалось встретиться.

Если честно, то таких целей для нашего флота никто и не ставил. Хотя мелкие стычки были, но до серьезного дела так и не доходило, и опять все из-за пресловутого синдрома. Потому мы и воюем втихую. Сбегали, выставили мины – и быстрее домой, и не дай бог, чтобы

нас заметили. А чтобы бой завязать с противником, этого еще не было. А надо бы. И завязать этот бой, и победить. Это для того надо, чтобы народ изменил свое мнение о никчемности флота и простил нам поражения в той войне. Мы еще все вернем, что тогда потеряли, и даже с лихвой.

– Как можно эту войну проиграть? Это тогда мы были одни. Сейчас у нас в союзниках Англия, Франция, Италия и даже та самая Япония, хотя какой из нее союзник, когда она на другой половине мира. Нет, не можно проиграть.

– Если так будем воевать, то обязательно проиграем, и союзники не помогут. Так что надо более активно насаждать на противника, а не пугать его обстрелами по берегу. Надо самим искать встречи с противником. Выходить на коммуникации противника эскадрой и пройти вдоль побережья, да хотя бы до западной окраины Данцигской бухты.

Тут наш разговор был прерван пришедшими флагманскими офицерами моей бригады. Но я пообещал его продолжить в следующий раз.

– Ну что, господа офицеры, – начал я, когда все подсели к столу, – представлять вас другу не надо, так что приступим. Господа офицеры, вот этот пакет я вскрываю в вашем присутствии. – Что и проделал на их глазах. Прочитав бумаги, находившиеся в пакете, и немного подумав для паузы, я начал разговор: – Итак, господа офицеры, получено добро на проведение предстоящей операции. Вот последние инструкции, можете ознакомиться с ними. – И передаю бумаги своим офицерам. – Да и что это за инструкции, тут и так все понятно и без них. А в общих чертах это выглядит так. Наша главная задача – это бомбардировка порта Мемеля, на обратном пути допускается произвести крейсерские действия на море по отношению к противнику. Ага! Крейсерские! Это пройти пятьдесят миль вдоль побережья противника. И большая часть из них – это занятое германскими войсками наше же побережье Курляндии. Ну и что это за крейсерские действия такие? Я бы еще согласился, если мы прошлись бы на запад. Но вот пройти от Мемеля до Виндавы и вернуться обратно на базу – это я не считаю крейсерской операцией. И вот эту самую операцию разработали в штабе флота, князь Черкасский, как представитель оного, идет с нами. Только, князь, вы не обижайтесь на меня, это к вам не относится, но вот сколько же можно планировать такие операции. Я знаю Колчака и его авантюрную натуру. Что он не может разработать такую операцию, чтобы о ней вспоминали не только наши потомки, но и противник.

– Ваше превосходительство! Так вы закоренелый холостяк, и у вас нет потомков.

– Если я холостяк, это не значит, что их у меня нет или не может быть, не так ли, Николай Николаевич!

Крыжановский сразу смутился после этих слов, понял, что немного не к месту пошутил, ведь мне всего только сорок семь исполнилось, и завести потомство я еще смогу.

– Извините меня, ваше превосходительство, вырвалось.

– Да я и не обижаюсь, и, как все знают, единственная моя жена – это море. А пока эту тему прикроем и поговорим о другом. Павел Михайлович, как обстоят дела с погрузкой припасов и угля на крейсерах бригады?

– Ваше превосходительство, все крейсера припасы уже погрузили, в данный момент углем догружается «Баян», и через час вся бригада будет готова к выходу.

– Ну, вот и отлично, значит, задержек не будет. Как только последний крейсер примет полный запас угля, снимаемся с якоря и переходим на рейд Пипшер. Там же соберем совещание командиров кораблей. А пока есть время, давайте обсудим некоторые моменты предстоящего похода.

II

Через полтора часа после того, как от борта «Баяна» отвалил угольщик, крейсера снялись с якорей и направились на рейд Пипшер. Путь туда у нас занял четыре часа. По приходе на место я в тот же час собрал совещание на своем флагмане, пригласив всех командиров крейсеров, а также командира седьмого дивизиона эсминцев капитана первого ранга Гадда Георгия Оттовича.

– Итак, господа офицеры, я вас пригласил для выработки боевого плана. Как вы все примерно догадывались по всем этим приготовлениям, что-то намечается. Но конкретно не знали суть предстоящего похода. Объявляю вам, что перед нами поставлена задача по бомбардировке порта и портовых сооружений Мемеля. Мы воспользуемся моментом, предоставленным нам самими же немцами. Как раз в это время почти весь их флот готовится к императорскому смотру в Киле. Если представится возможность нам встретиться с противником, это будут их минимальные силы. Выходим в два часа после полуночи. У банки Винкова мы должны встретиться с «Рюриком», который выделен нам для усиления. Чуть позже к нам присоединится шестой дивизион во главе с эсминцем «Новик».

По плану обстрел порта будут производить «Рюрик» совместно с «Олегом» и «Богатырем», шестой дивизион эсминцев и «Новик» должны их поддержать.

Павел Михайлович, вы с двумя оставшимися крейсерами будете прикрывать их со стороны устья Вислы. После обстрела, если не будет противодействия со стороны противника, идем в крейсерство вдоль побережья до Виндавы и возвращаемся домой. Это по плану.

Также в этой операции будут участвовать подводные лодки, необходимо предельное внимание, чтобы ненароком они не попали под наш огонь или таран, а мы под их торпеды. Но надо и немецких лодок опасаться, не будем забывать участь «Паллады». И на крайний случай, вдруг появятся крупные силы германцев, дредноутов нам опасаться не стоит, так как их на Балтике нет, а с десятков всевозможных броненосцев у принца Генриха имеется. Не исключено, что пару-другую мы вполне можем повстречать. Именно для этих целей выделены два наших старичка – линкоры «Слава» и «Цесаревич», они нас поддержат. Как говорится, план планом, но могут быть и изменения, все зависит от обстоятельств. Георгий Оттович, после выхода и до встречи с «Рюриком» твои эсминцы осуществляют дозор и охрану крейсеров. Вопросы есть?

– Ваше превосходительство, а если на переходе к Мемелю встретим корабли противника, не придется ли нам отказаться от дальнейшего продолжения операции? – спросил Вердеревский.

– Дмитрий Николаевич, я же сказал: все будет зависеть от обстоятельств.

Я заметил, что Вердеревский порывался еще что-то спросить, но не решился.

– Если нет вопросов, то прошу всех на свои корабли. Георгий Оттович, а вас я попрошу остаться.

После того как все покинули кабинет, я обратился к Гадду:

– У меня, Георгий Оттович, для вас будет особое задание. Прошу, подойдите к карте. Послушайте, – начал я, после того как он подошел к столу, где была развернута карта, – после того как мы соединимся с «Рюриком», вы со своим дивизионом пойдете к Бокшеру. Да-да, именно туда, и не смотрите на меня так удивленно.

– Но по плану мы должны возвратиться на рейд Пипшера и ожидать вашего сигнала на возвращение, чтобы встретить.

– Георгий Оттович, я же вас предупреждал, что это будет особое задание, именно для вашего дивизиона. И поймите меня правильно, об этом до самого нашего выхода знать никто не должен, кроме командиров эсминцев.

– Я все понял, ваше превосходительство.

– Вот и отлично. А теперь послушайте, что нужно вам сделать. Встанете на якорь миль на десять севернее острова, вот в этом квадрате, – показываю Гадду точку на карте. Почти наверняка завтра, где-то примерно с 20.30 до 21.30, немцы попытаются выставить на том участке минное заграждение.

– Откуда это известно?

– Не спрашивайте, откуда я знаю, скажем, разведка постаралась. Ваша задача – если позволит погода, определить границы заграждения, потом мы его включим в систему своей минной обороны. Представится благоприятный момент, атакуйте, но выходите в атаку строем фронта. Держите дистанцию между кораблями в два-три кабельтовых. В этом случае неприятелю придется рассредоточить огонь по всем кораблям, что затруднит попадание в вас. Я вам советую открывать огонь на сближении, попасть, возможно, не попадете, зато нервы немцам обязательно пощиплете. Удастся приблизиться на оптимальное расстояние для пуска торпед, поворачивайте «все вдруг» на девяносто градусов и выпускайте все торпеды в направлении выбранной цели. Глядишь, одна да попадет в корабль. Вам все понятно, Георгий Оттович?

– Так точно, ваше превосходительство! Но если нам противник не позволит выйти на дистанцию или мы промахнемся?

– Если вы и не добьетесь попадания, то своими действиями сорвете выполнение их планов.

– Мы постараемся выполнить задание.

– Вы уж постарайтесь, Георгий Оттович. В дальнейшем весь наш нынешний выход во многом будет зависеть именно от ваших действий у Бокшера. А теперь идите и втолкуйте это хорошенько командирам своих эсминцев.

В два часа ночи 18 июня крейсера снялись с якоря и в охранении седьмого дивизиона эсминцев направились на randevу с «Рюриком». Около четырех часов утра пришло сообщение от командира шестого дивизиона капитана первого ранга Николая Ивановича Паттона. Его дивизион попал в очень сильный туман, видимость не превышает полторы сотни метров, и он намерен стать на якорь. Я приказал взять курс на Готланд и двигаться по счислению малым ходом к острову. Наша встреча с «Рюриком» состоялась через три часа. С этого момента я решил, наконец, немного изменить ход истории.

– Павел Михайлович, передайте по бригаде: «Застопорить ход. Эсминцам осуществлять охрану кораблей». Я поднимаю свой флаг на «Рюрике». Передать на «Рюрик», чтобы приняли меня.

– Ваше превосходительство! Как застопорить ход? А если подводные лодки противника, они же могут потопить один из крейсеров.

– Павел Михайлович, нет здесь сейчас подводных лодок. Так что распорядитесь, чтобы спустили катер. Николай Николаевич, Михаил Борисович, вы тоже переходите со мной на «Рюрик».

Как только пересел в катер, приказал крейсерам своей бригады двигаться самым малым ходом на юг. Пока перебирался на «Рюрик», эсминцы выписывали круги вокруг медленнодвигающихся крейсеров. Подхожу к самому сильному крейсеру Балтийского флота, испытывая (как будто не свое) чувство гордости за этот корабль. Красавец в шестнадцать тысяч тонн, имеющий на вооружении четыре 254-мм и восемь 203-мм орудий в башнях. Не так давно я сам (конечно, не я, а хозяин этого тела) командовал им.

«Вот сейчас-то мы повоюем с немцами, – промелькнула мысль в моей голове. – Теперь-то у меня никто не потеряется в этом тумане. А то в той реальности «Рюрик» и «Новик» потерялись и все пошло наперекосяк».

«Погода ожидается скверная, все время будет стоять туман», – продолжал вспоминать я о ходе этой операции, о которой кое-что мной было прочитано в той реальности. Сейчас бы нам при такой погоде пригодился хоть самый допотопный радар. Но он появится еще не скоро, хотя

кое-какие опыты в этом направлении проводились. Я читал где-то о том, что даже сам Попов занимался данной темой, или у него это случайно получилось. Да! Не помешает и парочка противокорабельных ракет или, на худой конец, самонаводящихся торпед. О чем я думаю!

Какие ракеты, самонаводящиеся торпеды, ты, башка, еще об атомной бомбе помечтай. Нам бы на первое время нормальными дальномерами обзавестись да средствами обнаружения и уничтожения подводных лодок. Даже нормальных глубинных бомб нет, они появятся чуть позже. Потому приходится ныряющие снаряды использовать, но они только на малой глубине пригодны, и то для шумового эффекта да рыбу глушить. Необходимы новые дальнобойные снаряды, и наши торпеды тоже слабоваты, пора переходить на другой калибр. Словом, много нужно, но об этом чуть позже, сейчас о предстоящем бое надо думать.

Поднимаюсь на борт крейсера, у трапа меня встречает его командир капитан первого ранга Пышнов Александр Михайлович и несколько его офицеров. После рапорта и взаимных приветствий мы направились на мостик. Над крейсером взвился контр-адмиральский флаг. После того как подняли катер и закрепили, мы пошли догонять ушедшие вперед крейсера бригады. Поднявшись на мостик и оглядевшись, понимаю, что за прошедший год после моего ухода с мостика этого крейсера ничего не изменилось, все по-прежнему.

– Ну и как вам этот крейсер, Александр Михайлович?

– Отличный корабль. Сильнее нашего «Рюрика» на Балтике ничего нет, разве что только немецкий «Блюхер» был равносильен нашему. Да только он уже как полгода покоится на дне, потопленный англичанами у Доггер-банки, он стал братской могилой для семи с половиной сотен человек экипажа.

– Да, «Рюрик» – хороший корабль, и мне довелось покомандовать им три года. А теперь я сожалею, что в свое время не поставили на него турбины вместо паровых машин. Сейчас, глядишь, и скорость была бы узла на три-четыре больше. Вот тогда бы это был совсем великолепный корабль.

– Да, когда его закладывали, турбины только начинали устанавливать на корабли, а это была новинка для того времени. Вот и побоялись эту новинку установить на крейсер, опасаясь, что наши матросы не справятся.

– Дай бог выиграть эту войну, мы обязательно его перестроим, и турбины поставим, он еще долго послужит России.

– Как не выиграть, обязательно выиграем эту войну, ваше превосходительство.

– Да-да, Александр Михайлович, выиграем. Но когда это случится, враг очень силен и располагает несравнимо сильнейшим флотом.

– Так мы же не одни с Германией воюем, есть еще Англия и Франция. Одна Англия имеет флот превышающий германский.

– Англия-то имеет, а вот нам тут, на Балтике, она ничем помочь не может, так что нам придется одним сдерживать германский флот, который они могут в любой момент перебросить через Кильский канал.

III

Минут через пятьдесят мы, обогнав колонну крейсеров, стали во главе ее. После этого я приказал эсминцы седьмого дивизиона отпустить, пожелав им счастливого пути, – они выполнили свое первое задание по охране крейсеров, выведя нас в море. Седьмой дивизион взял курс на север, корабли быстро скрылись в сгущающемся тумане. Теперь у Гадда и его эсминцев более ответственное и опасное задание, чем намечалось до этого. Погода и правда была очень скверная, на море опустился туман, я опять пожалел, что на наших кораблях нет радаров. В 6.30 поступил запрос от Паттона о курсе и скорости движения отряда. И то и другое было передано. Мы опускались к югу, в полосе сильного тумана, я приказал включить кильватерные огни. Примерно в двух милях по левому борту показались силуэты кораблей, которые тут же были взяты на прицел крейсерами отряда. Но то были эсминцы Паттона и идущий чуть поодаль «Новик». А в это самое время где-то в двенадцати милях по правому борту проходят курсом на север корабли противника. Мы не видим друг друга из-за тумана, и наша встреча откладывается до следующего дня.

– Передайте семафор на эсминцы, пусть переходят на правую раковину.

После того как эсминцы перестроились и заняли место по правому борту, даю команду:

– Проложить курс на устье Вислы, потом на широте Мемеля повернем к порту. Передать это распоряжение на все корабли и постараться держаться в пределах видимости, если потеряетесь – идите по счислению.

Через пару часов я оставил мостик, передав командование кораблями Пышнову, а сам направился в каюту, надо было выработать дальнейший план действий.

«Стоит ли плутать в этом тумане, а не пойти в район Готланда и ждать там корабли немцев? – думал я. – Но если я откажусь сейчас от плана по обстрелу Мемеля, то меня никто из офицеров не поддержит, не поймут. Значит, все должно пока продолжаться так же, как и в той реальности. А может, в этой реальности нам удастся все же подойти к порту и произвести бомбардировку. Ну что же, будем пока придерживаться происходящих событий. Завтрашний день покажет, можно или нет его изменить по отношению к нашей реальности»

Через четыре часа я снова был на мостике, в это время корабли отряда вошли в такой плотный туман, что на расстоянии пятидесяти метров ничего не было видно. И вот в этом молоке мы до 20.00 спускались все южнее и южнее.

– Ваше превосходительство, пора поворачивать на новый курс, – предупредил меня мой флагманский штурман Крыжановский.

– Передать по радиотелеграфу на корабли координаты нового курса, ведущего к Мемелю. Поворот кораблям в 20.05.

Прошло уже два часа, как мы повернули на новый курс, но туман и не собирался рассеиваться. Он был такой плотный, что казалось, из него можно было слепить снежную бабу. В ста метрах за кормой ничего не видно. Есть там корабли или нет? Возможно, кильватерный строй давно распался и каждый корабль идет самостоятельно. Первым не выдержал князь Черкасский:

– Ваше превосходительство, если мы так и дальше пойдем, ничего не видя в этом молоке, то кто-то может налететь на свой корабль или, еще хуже, на мину. Тут в районе Мемеля столько поставлено минных полей, как наших, так и немецких. В любой момент мы можем, не зная своего местоположения, выскочить на одно из них, и не дай бог, кто-то подорвется вблизи немецкого порта. В любом случае это будет означать конец операции: затонет корабль или получит повреждения, нам предстоит его сопроводить до своих вод. Так, может, отложим бомбардировку на утро и будем надеяться, что к этому времени этот туман рассеется.

– Надеяться-то мы можем, дорогой князь, вот только погода бы не подвела. Все верно, если только туман разойдется к этому времени, то мы обязательно нанесем удар по Мемелю. А может случиться так, что он не разойдется. На этот случай мы должны разработать другой план, как нанести урон противнику. А сейчас мы отходим. Николай Николаевич, рассчитайте курс на Готланд и передайте его всем остальным кораблям. А также передайте, чтобы по мере возможности все собрались в десяти милях юго-восточнее Хоборга, на южной оконечности острова.

– Через минуту все будет исполнено.

Глава 3

Первый виток в изменении истории

I

Капитан первого ранга Гадд поступил так, как посоветовал ему Бахирев. Он поднялся севернее острова Бокшер на восемь миль и стал на якорь. В северной части Балтийского моря погода была более благоприятна, чем у южного побережья, дальность видимости составляла в пределах пяти миль. Иногда она то увеличивалась, то опять уменьшалась, но не превышала восьми миль. Эсминцы мирно покачивались на волнах, став полукругом, концы которого смотрели в сторону финского берега. В полной боевой готовности все время находились два эсминца. На палубах постоянно находились сигнальщики, которые осматривали горизонт, стараясь не пропустить ни одного дымка, и комендоры, готовые в любой момент открыть огонь. Остальные в это время отдыхали, ожидая своего срока на вступление в дозор. Так они простояли почти десять часов, но пока было все без изменений.

Георгий Оттович уже начал сомневаться в словах Бахирева, в том, что противник соизволит прийти сюда на минную постановку, и наметил себе: если до 23.00 корабли не покажутся, то он снимается с якоря и уходит на базу. Но вот в 20.10 вдруг туман приподнялся над морем, как будто какой-то великан потянул вверх одеяло над постелью, и решил посмотреть, что под ним находится. Примерно так же вышло и здесь. Видимость резко улучшилась, и сигнальщики увидели дымы примерно в двенадцати милях к югу от эсминцев, это продолжалось с минуту, как туман снова стал опускаться на море, отгораживая корабли друг от друга. Но кое-кому показалось, что чуть восточнее от первой группы, но значительно дальше были видны еще дымы, но туман помешал это точно определить. Возможно, это просто показалось сигнальщикам, потому-то они и промолчали, да опустившийся туман вновь скрыл все. С приближавшихся кораблей ничего не заметили, так как эсминцы стояли без хода и не дымили сильно. Да и силуэт у эсминца в пятьсот тонн все же намного меньше, чем у крейсера. Но было точно определено, что эти два корабля направляются именно к Бокшеру.

– Ваше высокоблагородие, не менее двух вымпелов идут по направлению к маяку Бокшер.

«Все происходит так, как предупреждал адмирал, – подумал Гадд. – Но вот эти-то, чьи корабли? Шведы соблюдают нейтралитет, так что тут им делать нечего, да они сюда бы не посмели зайти. Все же идет война, и любой из противников по ошибке может их атаковать да потопить. Нет, это не шведы. Наших по идее тоже не должно быть, хотя и такую возможность нельзя отклонять. Нас ведь тоже не должно тут быть, а вот мы-то пришли сюда по приказу адмирала Бахирева, похоже что, кроме него, об этом даже в штабах не знают», – продолжал рассуждать Гадд.

– Изготовить корабль к бою, – отдал приказ старший лейтенант Рыбкин, командир флагманского эсминца «Боевой», на котором поднял свой брейд-вымпел командир седьмого дивизиона.

– Сигнальщики! Передать сигнал на корабли. К бою изготовиться, – распорядился Гадд.

Сразу же начались приготовления. Поднимали пар в котлах до предела, проверяли торпеды, артиллеристы готовили снаряды. Простояв в ожидании еще полчаса, командиры эсминцев, наблюдая за флагманом, ожидали сигнала к атаке. Командующий дивизионом сколько ни всматривался в море, но из-за этого проклятого тумана, хоть он и был редким, дальше пяти миль ничего не было видно.

– Лейтенант, надо подойти ближе и определить, что это за корабли.

– Машина малый вперед, – тут же последовал приказ Рыбкина.

Эсминец командира дивизиона медленно двинулся вперед, а за ним, на удалении шести-семи кабельтовых, и все остальные корабли отряда.

– Ближе. Еще ближе. Ну, когда же они появятся, из-за этого тумана ну ни хрена не видно, – приговаривал Гадд, стоя на мостике рядом с командиром эсминца.

Вот что-то показалось в тумане, какое-то расплывшееся темное пятно, которое медленно двигалось перпендикулярно их курсу.

– Корабль по носу! – раздался голос сигнальщика.

– Видим. Смотреть дальше. Он тут не один, где-то рядом должны быть и другие.

Приблизившись еще на несколько кабельтовых к неизвестному кораблю, на мостике наконец-то разглядели, что перед ними не шведы и тем более не свои.

– Да это похоже на германский крейсер типа «Нимфа», – промолвил командир эсминца.

– Да, похож, – ответил Гадд, – и он ставит мины.

В это время туман опять начал рассеиваться, открывая корабли друг перед другом. Гадд среагировал быстрее, чем противник, который не ожидал встретить так близко эсминцы русских. Хотя в данный момент Гадд тоже пожалел, что туман вот так неожиданно открыл его перед неприятелем, не дал сблизиться на более короткую дистанцию, выгодную для пуска торпед.

– Торпедная атака! Полный вперед.

«До цели было более сорока кабельтовых, а надо сократить расстояние до восемнадцати – двадцати или минимум до двадцати пяти кабельтовых, а в идеале до десяти кабельтовых. А чтобы пройти это расстояние, потребуется десять – пятнадцать минут и плюс на то, что немец начнет удирать, как только увидит нас, так это еще почти столько же», – рассуждал Гадд, глядя на корабль противника.

– Эх, не были бы у нас так изношены машины, мы могли дать ход до двадцати семи узлов, а теперь максимум двадцать три узла. Самый полный, выжать все, что есть, – отдал приказ Гадд.

Эсминцы, нещадно дымя и напрягая свои изношенные машины, неслись на врага, похоже что они даже превысили ту скорость, что приписывал им командир. Но вот и враг, заметив опасность, начал отворачивать и набирать ход. Из его труб также повалил густой дым. Но за то время, пока немцы не отреагировали на появление противника, эсминцы успели сократить дистанцию еще на десять кабельтовых. Немец начал отстреливаться и уходить на юг. Его радиостанция взывала о помощи.

– Корабль справа, – раздался крик сигнальщика.

Все устремили взор на приближающийся с запада трехтрубный корабль.

– А вот это самый настоящий крейсер. Похоже что это кто-то из представителей довоенных «Городов». На дальномере расстояние до крейсера?

– Семьдесят восемь кабельтовых, ваше высокоблагородие.

– До переднего сколько?

– Тридцать шесть кабельтовых.

– Значит, догоняем. Передать всем: открыть огонь по ближайшему кораблю.

Но стрелять на ходу, да с такого маленького кораблика, как вот этот эсминец, надо быть жонглером, канатоходцем и еще черт знает кем. Когда корабль то проваливается между волнами, то взлетает на гребни этих самых волн, да вокруг проносится поток воды, разбиваясь на тысячи брызг о надстройку, на которой стоит это орудие, и заливая матросов, надо хотя бы мало-мальски прицелиться в корабль, который также прыгает на волнах, а попасть – это должно свершиться чудо. С двухтрубного корабля стали сбрасывать мины, избавляясь от опасного груза. Ну а вдруг повезет, и русский корабль наскочит на такой подарок. Эсминцы чуть-чуть увеличили дистанцию между собой и продолжали погоню дальше. Трехтрубный крейсер

мог пока стрелять только четырехорудийными залпами, стараясь отсечь эсминцы от преследуемого ими «Альбатроса».

– Передать на «Внимательный» и «Выносливый», чтобы отвлекли крейсер на себя, – распорядился Гадд.

Два крайних эсминца отвернули от общего строя и пошли на сближение с крейсером. Крейсер сразу отреагировал на их маневр, перенес огонь на оба приближающихся эсминца. Но сам упорно не хотел менять курс и двигался наперерез основной группе эсминцев.

– Расстояние до двухтрубного крейсера?

– Двадцать девять кабельтовых.

– До второго сколько?

– Около шестидесяти.

Снаряды так и падали вокруг идущих в атаку кораблей, подымая водяные столбы. По корпусам и надстройкам ударили осколки, появились раненые на русских эсминцах. Немцы развили очень высокую скорострельность, пытаясь остановить торпедную атаку.

– В «Зверева» попали! – пронесся крик по эсминцу.

Все, кто находился на мостике, резко повернули головы в направлении эсминца. На втором, идущем слева эсминце между трубами в районе второго торпедного аппарата шел черный дым, но скорость он не сбросил.

– Если сохранил ход, значит, повреждения не так серьезны, – промолвил Рыбкин.

Один из снарядов разорвался рядом с «Боевым», осколки забарабанили по обшивке корабля. Кто-то вскрикнул на палубе: все же кому-то достался осколок.

– Санитара, – раздался чей-то крик, – санитар скорей.

– «Выносливый» горит! – закричал сигнальщик.

Да, «Выносливому» досталось сильно, снаряд с крейсера попал в кормовую надстройку над машинным отделением. Взорвавшись там, он своими осколками, пробившими палубу, вывел из строя правую машину. При этом погибли трое, четверо получили ранения. Эсминец сразу потерял ход до десяти узлов, теперь ни о какой атаке не могло быть и речи. Он стал поворачивать на обратный курс, в сторону шхер, но продолжал стрелять, пока позволяла дистанция. «Внимательный» как-то умудрился попасть в крейсер. Ну, какие повреждения крейсеру он может нанести своим 75-мм снарядом? Так, только краску поцарапать. Крейсер приближался с пугающей быстротой; глядя на него, кажется, что он готов протаранить один из эсминцев. Эсминец выпустил свои торпеды почти с предельной дистанции, с большим упреждением по курсу, так как торпедам преодолеть этот путь потребуется восемь минут. Он и не надеялся, что попадет, он просто хотел сбить крейсер с курса, и это ему удалось. Крейсер изменил курс и сбросил скорость, чтобы пропустить торпеды впереди себя. Этого времени остальным хватило подойти на оптимально допустимую дистанцию и выпустить все свои торпеды по второму кораблю.

– Передать на все эсминцы: поворот налево девяносто градусов, – командовал Гадд.

Эсминцы повернули налево, образуя кильватерный строй, в этот момент с кораблей могли стрелять и кормовые орудия. После этого сила артиллерийского огня возросла вдвое, и в «Альбатрос», а это был он, один за другим попало два снаряда, вызвав на корме небольшой пожар.

Эсминцы уже пару минут двигаются этим курсом, наведя торпедные аппараты на противника.

– Торпедный залп, – прозвучала команда, и на всех эсминцах с небольшой задержкой выпустили торпеды.

Еще раз прозвучала команда «Всем поворот налево девяносто». На отходе в «Альбатрос» попал еще один снаряд. Но и в «Боевой» попал снаряд с крейсера, он угодил в торпедный

аппарат, уничтожив его. Это было везение, попади туда снаряд раньше, когда в нем находилась торпеда, результат был бы плачевный. А так погибло только двое, и двое было ранено.

– Дымы с востока, много дымов, – закричал сигнальщик.

– Поворот влево двадцать, уходим в шхеры.

– Георгий Оттович, а может, это наши?

– Нет, наши сейчас на юге должны быть.

– Но эти идут с востока и, должно быть, наши, – не сдавался Рыбкин.

– Сейчас отойдем подальше отсюда да поближе к шхерам, а там разберемся, кто это под-
ходит.

И в этот момент над морем прогремел взрыв, одна из двенадцати выпущенных торпед все же попала в «Альбатрос».

– Ура-а-а! Попали! Горит сволочь, – раздались возгласы на всех кораблях дивизиона, которые уходили в сторону финских шхер, догоняя своего подбитого товарища.

II

В «Альбатрос» торпеда попала в район второй трубы, напротив котельного отсека, в то место, где поперечная переборка делила угольные ямы пополам. После взрыва обе ямы были затоплены, началось затопление и самого котельного отсека, кочегары в спешке гасили котлы и открывали клапана, чтобы предотвратить взрыв котлов. Крен корабля достиг семи градусов и постепенно увеличивался. Фрегаттен-капитан Хорн, получив неутешительный доклад о повреждениях, пришел к выводу, что ему до базы самостоятельно не дойти, нужна помощь. «Похоже, эти русские специально поджидали здесь мой корабль. Они как-то узнали о наших планах, что мы собираемся выставить в этом районе несколько минных банок. Но почему только эсминцы нас тут поджидали, а где крейсера? А может, это просто случайность?» – думал Хорн о произошедшем столкновении с русскими кораблями.

С подошедшего «Аугсбурга» коммодор Карф, он же командующий всей операцией, запросил о состоянии минного заградителя и потерях в людях.

– У меня четверо погибших, еще десять раненых и обожженных, сам корабль получил серьезные повреждения, и ему одному до базы не дойти. Приняли около четырехсот тонн воды, которая все еще продолжает прибывать, несмотря на все старания экипажа. Я также опасаясь повторной атаки русских, которые попробуют добить мой корабль.

– Насчет атаки русских опасаться нечего, сейчас подойдут «Роон» и «Любек» с эсминцами, они будут защищать. Но надо любой ценой сохранить корабль.

Коммодор Карф послал радиограмму в штаб разведывательных сил Балтийского моря: «Атакован миноносцами неприятеля, «Альбатрос» торпедирован и получил тяжелые повреждения. Самостоятельно до базы не дойдет.

22.30 нахожусь в квадрате 020».

Но эту радиограмму прочитал не только контр-адмирал Альберт фон Гопман, но и радиоразведка русского Балтфлота. Адмирал Гопман ответил на радиограмму Карфу, что «Альбатрос» надо довести до базы, что это ценный корабль.

В 23.15 радиограммы получил и я.

III

Небольшое отступление о становлении радиоразведки Балтийского флота

Необходимо сразу сказать, что русский флот, вступая в Первую мировую войну, не имел в штабах командующих морскими силами Балтийского и Черного морей разведывательных органов в привычном для современного военного человека понимании. Первые шаги в области радиоразведки на Балтийском флоте были инициированы в штабе командующего флотом адмирала Эссена. Их формирование и становление как в организационном, так и в профессиональном плане происходило уже на фоне начавшихся боевых действий и в окончательном виде стало в значительной мере результатом служебной инициативы и творчества вовлеченных в этот процесс офицеров. В полной мере это справедливо и в отношении разведки и радиоразведки. Накануне войны эту службу связи на Балтике возглавлял капитан первого ранга (позже контр-адмирал) Адриан Иванович Непенин. Боевой офицер, порт-артуровец, отличный организатор, умный начальник, а ко всему еще и редкостный мастер «палубной лексики», Непенин отбирал к себе в службу все самое лучшее – лучших людей и лучшую технику. Он, используя «полезные знакомства», поддержал изобретательскую деятельность лейтенанта Ренгартена, который являлся признанным на флоте авторитетом в вопросах радио, одинаково хорошо разбиравшимся как в технических, так и тактических аспектах применения средств радиосвязи на флоте. В результате чего служба связи получила невиданное доселе устройство – радиопеленгатор. Буквально в самом начале войны командованием Балтийского флота было принято решение об установке на острове Эзель первого разведывательного радиопеленгатора (РРП). Идею этого РРП предложил Ренгартен, им же была разработана и его конструкция. Уже 12 октября приступил к работе второй РРП – в Гангэ, на северном побережье Финского залива, а 12 ноября – третий – у маяка Верхний Дагерорт, на острове Даго. Позднее были установлены РРП в других местах Балтийского побережья. Важно отметить, что Ренгартен уже тогда обращал внимание на необходимость объединения РРП в единую сеть и организацию синхронного радиопеленгования, однако отсутствие надежных линий проводной связи между постами не позволило осенью 1914 года реализовать эту идею в полном объеме.

Особую роль в активизации радиоразведки на Балтийском флоте сыграла история с захватом германского крейсера «Магдебург», потерпевшего в ночь на 13 августа 1914 года навигационную аварию у острова Оденсхольм в устье Финского залива. При захвате крейсера в руки русских моряков попали ценнейшие документы по радиосвязи германского флота, которые значительно упростили обработку радиоразведывательных материалов (РРМ). Достоянием наших радиоразведчиков стали два экземпляра «Сигнальной книги германского флота» (Signalbuh Kaiserlichen Marine), секретные карты квадратов Балтийского моря (Quadratkarte), радиотелеграфные журналы крейсера и ряд других важных документов. Следует, однако, отметить, что это были не первые документы по радиосвязи германского флота, с которыми познакомились балтийские радиоразведчики. Еще до начала войны в штаб Балтийского флота был передан германский сигнальный код для кораблей (Aufklarungssignaltafel), полученный по линии Особого делопроизводства (тайной разведки) МГШ. В короткий срок Ренгартен выполнил перевод этого документа, что позволило ему уже тогда составить определенные представления об особенностях организации радиосвязи и сигналопроизводства в германском флоте. Таким образом, все «богатство» «Магдебурга», безусловно, попало в подготовленные руки. Ренгартен достаточно быстро разобрался во всех тонкостях действующей организации радиосвязи германских кораблей: в правилах радиообмена, системе радиопозывных, методике составления радиোগрамм. К началу кампании 1915 года радиоразведка Балтий-

ского флота представляла собой уже достаточно хорошо функционирующий организм. Накопленный за первые месяцы войны опыт позволял балтийским радиоразведчикам сравнительно легко справляться с такими действиями германского командования по защите своей радиосвязи, как периодическая смена шифров и радиопозывных. Так, например, введенный немцами в употребление 8 марта 1915 года новый шифр «гамма-альфа» был раскрыт уже через два дня, причем независимо друг от друга, специалистами флота и МГШ.

Большую роль в повышении эффективности радиоразведки сыграло создание в структуре штаба флота разведывательного отдела Балтийского флота, куда входило и отделение радиоразведки, во главе которого был поставлен флагманский радиотелеграфный офицер старший лейтенант Ренгартен.

Глава 4

Второй шанс адмирала

I

– Ваше превосходительство, радиogramмы от начальника разведывательного отделения старшего лейтенанта Ренгартена.

– Давай сюда, – чуть не вырываю из рук старшего радиста радиogramмы.

Две были переводами немецких переговоров, пересланных нам радиоразведкой флота, а третья – о подвигах седьмого дивизиона.

Быстро прочитав, обрадованно вскрикнул:

– Ай да молодец, Георгий Оттович! Не зря я его туда послал.

Все на мостике недоуменно посмотрели на меня, не понимая, чему я радуюсь.

– Господа офицеры, только что я получил известие о том, что в районе Богшера эсминцы седьмого дивизиона капитана первого ранга Гадда атаковали и торпедировали немецкий минный заградитель «Альбатрос». Он серьезно поврежден.

– Ваше превосходительство, а не должен ли седьмой дивизион находиться сейчас у Пипшера? – задал вопрос князь.

– По плану – да. Но как я говорил, в плане могут произойти изменения. И всему виной этот туман. Когда прорабатывался этот план, почему-то туман в расчет не взяли. А он, как видите сами, сорвал нам первую часть запланированной операции. Мы, конечно, можем ее продолжить завтра поутру, но кто может дать гарантию, что туман нам снова не помешает.

– Да никто.

– Ваше превосходительство, а что там насчет германского заградителя? – спросил Крыжановский.

– Противник пытается его спасти и провести на базу. Рядом с ним три крейсера и семь эсминцев (это я уже говорил от себя, так как только я знал точное количество кораблей благодаря знаниям из будущего), один из крейсеров – это «Роон». У нас пять крейсеров и восемь эсминцев. Преимущество на нашей стороне. И главное, мы о нем знаем почти все, а он, судя по переговорам, только предполагает, что в море есть какие-то русские корабли. Предлагаю найти противника и уничтожить. Ваши предложения?

– Ваше превосходительство, так у нас еще не все корабли собрались, и в этом тумане затруднительно это сделать, – высказал свои опасения командир «Рюрика».

– Александр Михайлович, если мы не соберемся до полуночи, то следующее рандеву для всех потерявшихся – это три часа в десяти милях восточнее полуострова Куплен. Передать распоряжения по всем кораблям о новом месте встречи.

– Ваше превосходительство, а как же быть с приказом обстрелять порт Мемеля?

– Дорогой князь, Михаил Борисович, что сейчас полезнее, уничтожение отряда противника или обстрел порта, который еще и закрыт туманом? И много ли пользы принесет этот обстрел, а вот уничтожение этого отряда будет очень болезненным ударом по престижу германского флота. Обстрелять этот порт мы можем и в другой раз, а вот перехватить корабли противника – такой шанс выпадает очень редко.

– Так-то оно так. Но все же получен приказ.

– Да, мы получили приказ на обстрел Мемеля. Но также в этом приказе прописано: при обнаружении неприятеля при переходе к объекту удара и если отряд окажется в выгодном положении, то вступить в решительный бой. Вот мы и вступим в решительный бой. Вы, дорогой

князь, похоже, забыли, о чем мы с вами перед выходом в море разговаривали. Вот этот самый момент настал – доказать всем, что нас еще рано списывать со счетов. И в первую очередь это мы должны доказать самим себе.

– Ваша правда, Михаил Коронатович! И мы докажем.

Офицеры посматривали на нас, не понимая, о чем здесь идет речь, но догадались, что это продолжение вчерашнего нашего разговора с князем.

– Николай Николаевич, проложить курс к новому месту встречи.

II

Наступило утро 19 июня, к четырем часам все корабли отряда были в сборе, никто не отстал и не потерялся. Я выстроил отряд в две колонны. В правой колонне находились крейсера во главе с «Рюриком», крайним в колонне шел «Новик». В левой колонне все эсминцы шестого дивизиона под командованием Паттона. Отряд медленно двигался на север, примерно в шестнадцать милях от Готланда. Видимость не превышала пяти-шести миль.

– Ваше превосходительство, а проскочат немцы за этим туманом, и мы останемся ни с чем.

– Ну чего вы все нервничаете, Михаил Борисович, куда они от нас не денутся. У них на буксире сейчас поврежденный «Альбатрос», и они еле ползут где-то севернее нас, миль на двести – двести пятьдесят. Так что мы можем спокойно двигаться на север еще часов пять-шесть, а потом пошлем эсминцы строем фронта на пределе видимости друг с другом прочесать море на север. А это сеть шириной в тридцать пять – сорок миль, я думаю, что они сквозь нее незаметно не проскочат.

В 6.20 от Ренгартена пришла еще одна радиограмма. Его отдел перехватил переговоры между кораблями и германским морским штабом и после дешифровки переслал нам.

– Господа офицеры, мы получили сообщение, что полчаса назад германский минный заградитель «Альбатрос» затонул в ста милях северо-восточнее Готланда. Это значит, что в нашем распоряжении осталось максимум три часа до встречи с противником. Сообщить на все корабли о скорой встрече с противником. Передать приказ на эсминцы: выдвинуться вперед крейсеров на шесть миль, развернуться фронтом на север. Дистанцию между собой держать в пределах видимости, какую позволяет туман, но не менее четырех миль. Скорость держать шестнадцать узлов. Как только кто-то из дозорных заметит противника, тут же доложить о контакте. И только потом определить курс и скорость отряда кораблей противника.

Два часа двигаемся на север, противник пока не обнаружен, но чувствую, он рядом. Так и есть, нас разделяло около тридцати миль. При такой скорости встречного сближения контакт минимум через тридцать минут.

И вот получена радиограмма с «Забайкальца», который шел вторым слева, в строю эсминцев: «Вижу противника, семь выпелов, курс 190, скорость семнадцать узлов».

«Интересно, где еще трое, по всей вероятности, не увидел из-за тумана», – подумал я.

– Ну вот, отмучились неведением, теперь знаем, где наш противник. Передать на эсминцы, чтобы возвращались. Крейсерам распределить цели. «Рюрик» ведет огонь по головному, остальные разбиваются на пары. А, чуть не забыл, как только противник начнет передачи, тут же забивайте их помехами. Пусть наши радисты матерно ругаются на немецком, русском, даже китайском, мне без разницы, главное, чтобы ни одна передача не прошла. Так мы нарушим управление кораблями, а немцы не смогут вызвать подкрепление. Александр Михайлович, командуите кораблем.

– Корабль к бою изготовить. Ну, с Богом, господа. Все по боевым местам.

Заработали элеваторы, подавая снаряды и заряды к орудиям. На верхней палубе раскатывали противопожарные рукава для борьбы с возможными пожарами. В недрах кораблей, у котлов и машин, все были в напряжении, прислушиваясь к тому, когда начнут стрелять орудия. После первого же выстрела пружина натянутых нервов сработает, дальше только их работа, кому кидать уголь в топки, кому смотреть за машинами и котлами, чтобы все работало как часы. Сигнальщики наблюдали за морем, не появятся ли корабли противника, и за своими кораблями, не пропустить сигнал.

Первыми показались свои эсминцы, которые, нещадно дымя, спешили занять свое место позади строя крейсеров, а минут через пять и корабли противника. Впереди два эсминца, кото-

рые, как только нас заметили, сразу повернули назад, под защиту своих крейсеров. Интересно, в какую сторону они будут прорываться, к Швеции или... хотя нет, туда они не пойдут, они же не знают, что там может их ожидать. Возможно, «Слава» с «Цесаревичем» их ждут или дредноуты.

– Ну, вот и отлично, – сказал я, видя, как немецкие крейсера поворачивают на запад, в сторону Швеции.

– Лево руля, – командовал Пышнов.

Крейсер взял влево, ведя за собой остальные крейсера отряда и занимая выгодную для начала боя позицию. В немецкой колонне первым шел «Аугсбург», за ним «Роон» и «Любек». Несколько в стороне за крейсерами шли эсминцы. Два отряда кораблей, увеличивая скорость, медленно сближались, сокращая дистанцию. Над крейсером поднялись стеньговые флаги.

– Открыть огонь, – раздалась команда.

С дистанции семьдесят кабельтовых «Рюрик» открыл огонь из правой носовой 203-мм башни, произведя пристрелку по флагману commodора Карфа, крейсеру «Аугсбург». Первый залп лег с большим недолетом и позади крейсера. Пара крейсеров – «Адмирал Макаров» и «Баян» – открыли огонь по «Роону». Следующая пара по «Любеку». Очередной залп лег с перелетом впереди корабля, и тут же заговорили все орудия главного калибра правого борта. Мы старались сбить скорость флагмана Карфа.

Корабли двигались на двадцати узлах, вели огонь друг по другу. Высоченные столбы воды от разрывов снарядов вставали вокруг кораблей обоих отрядов.

– Ближе, Алексей Михайлович, ближе, нам нечего бояться. Давай сближайся с ними, – не выдержав, приказал я.

Первым добился попадания «Адмирал Макаров» под командой Павла Михайловича Плена: 203-мм снаряд с его крейсера угодил в основание фок-мачты «Роона», чуть не перебив ее. При этом погибли шестеро матросов, четверо из расчета 88-мм орудия, стоящего у основания фок-мачты, сигнальщик и матрос палубной команды. Кроме того, одиннадцать моряков было ранено. Лучшее всех стрелял «Любек», дважды поразив «Олега». Один снаряд попал под мостик в каземат 152-мм орудия, но не пробил брони, контузив расчет орудия. Второй же – в катер, стоящий на рострах, между третьей трубой и кормовой надстройкой, при этом погибли двое из расчета 75-мм пушки и еще пятеро получили ранения осколками снаряда и щепой от катера. Вспыхнувший пожар быстро ликвидировали. В лазарет крейсера стали поступать раненные, погибших укладывали в ледник.

Противник, чтобы сбить наш прицел, повернул еще на два румба вправо. Как только корабли начали втягиваться в поворот, один из 254-мм снарядов попал в середину флагманского крейсера Карфа. Это был просто слепой случай: не начни корабли поворот, снаряд пролетел бы мимо. Дым и пар взметнулись над крейсером, который резко потерял скорость и стал вываливаться из строя. Следомдвигающийся «Роон» резко взял влево, прикрывая собой флагман, и тут же сам получил 203-мм снаряд с «Баяна» в нижний каземат среднего 150-мм орудия, пробив броню и разорвавшись внутри, уничтожив всех, кто там находился, вместе с орудием и вызвав сильный пожар. По кораблям нашего отряда гремело «ура» при виде столь удачных попаданий в противника.

И все же один 210-мм снаряд попал в «Баян», пробив верхнюю палубу в средней части корпуса. Осколки снаряда повредили вторую дымовую трубу, командный камбуз, вывели из строя два 75-мм орудия на батарейной палубе (бесполезных в бою с крейсерами противника, да и с эсминцами тоже, потому-то в скором времени они все были демонтированы). Командоры Никита Медведев и Георгий Стрюков, а также горнист Степан Синяк получили ранения. Вскоре и мы на «Рюрике» получили гостинцы от «Любека»: тот влил нам два снаряда сразу, оба в корму, правда, серьезных повреждений они не нанесли.

– Право шестьдесят, эсминцы противника выходят в атаку, – раздался голос сигнальщика.

– Это Карф решил послать эсминцы, чтобы отвлечь нас от своих крейсеров, – поделился я своими мыслями с Пышновым. – Передать Паттону и на «Новик» отсекать эсминцы противника. Александр Михайлович, перенести огонь на «Роон», пока у него проблемы из-за пожара.

Огонь трех крейсеров, сосредоточенный на одной цели, не сразу принес результат. Так как свои разрывы надо было выделить среди других и делать поправки, дистанция между крейсерами сократилась уже до сорока кабельтовых, и оставался только вопрос времени, кто первым попадет один в другого. И вот, наконец, «Роон» начал получать свое: вначале два 203-мм снаряда с «Рюрика», потом один 152-мм с «Адмирала Макарова». «Роон» еще интенсивнее запылал, но хода не сбросил и продолжал отстреливаться, хотя потерял уже три 150-мм орудия левого борта из пяти. «Рюрик» содрогнулся от сильного удара, 210-мм снаряд попал в главный броневой пояс напротив носовой 203-мм башни. Взорвавшись на поясе, он вдавил в борт одну из броневых плит, вызвав затопление подбашенного отсека и выход самой башни из строя. Внизу шла борьба с поступающей водой, пожара не было, так как забортная вода сама затушила не успевший разгореться огонь. На мостик начали поступать доклады о повреждениях и о принятых мерах к их устранению.

– Ваше превосходительство, мы лишились двух 203-мм и одного 120-мм орудия и приняли около двухсот тонн воды, – доложил командир крейсера Пышнов, выслушав доклады от аварийных команд.

– Что с башней?

– Ее заклинило, и, когда введут в строй, неизвестно.

– Потери?

– Двое пропали, я думаю, утонули в артпогребе, шестеро ранены.

– Надо добить этот «Роон». Сосредоточить огонь всех орудий на нем.

Бой продолжается уже пятьдесят минут, а ощутимого перевеса мы еще не достигли, противник все еще огрызался, и весьма болезненно. «Аугсбург» медленно уходил на запад, сильно дымя из-за пожара в его средней части и из-за разрушенной средней трубы и одного котельного отсека. Дистанция до ближайшего крейсера сократилась до тридцати пяти кабельтовых.

Вот и дождались праздника на нашей улице, два 254-мм снаряда все-таки встретились с бортом этого живучего «Роона». Пробив борт, один из снарядов проник в котельное отделение, разорвавшись там, он вызвал взрыв еще нескольких котлов, палуба над котельным отсеком вспучилась, завалив одну из труб набок. Второй попал в барбет кормовой башни, пробив ее. Пламя вырвалось из всех башенных щелей, выжигая всех, кто находился в башне и подбашенном помещении. Крейсер еще двигался по инерции вперед, но начал крениться на левый борт, скорость его стремительно падала. Теперь он не представлял большой угрозы, растеряв большую часть своих боевых возможностей, сейчас он просто большая груда металлолома.

– Передать на «Макарова» и «Баян»: догнать и добить «Аугсбург». А нам остается только отправить этот броненосный крейсер на дно.

Глава 5

И вот она, долгожданная победа

I

Командир шестого дивизиона эсминцев капитан первого ранга Николай Иванович Паттон вел свои эсминцы чуть позади и сбоку, на удалении пяти кабельтовых от крейсеров, наблюдая за боем между двумя крейсерскими отрядами, происходящим невдалеке от него. Первым открыл огонь «Рюрик», грохот его залпа даже на расстоянии мили заставил вздрогнуть от неожиданности. Потом окутались пороховым дымом все крейсера отряда. Немцы начали отвечать минуты через полторы. В течение первых десяти минут попаданий с обеих сторон не было, но снаряды падали густо, некоторые с перелетом залетали сюда, поднимая огромные столбы темной воды.

– Не дай бог попасть под один из снарядов, особенно с «Роона», – если не потонем, то корабль точно выйдет из строя, – представил такой расклад Паттон.

Над «Олегом» взметнулось облако дыма, а через минуту и за третьей трубой сверкнула вспышка, и показался дым и пламя.

– Николай Иванович, похоже, «Олегу» несладко, – поделился своими мыслями командир эсминца «Казанец» капитан второго ранга Смирнов, чей корабль исполнял роль флагмана шестого дивизиона.

– Да, несладко нашим.

На большом немецком крейсере взметнулся столб дыма, и вскоре там что-то загорелось.

– Ага, не нравится! – воскликнул Смирнов, заметив, что немецкие корабли начали отворачивать, разрывая дистанцию и сбивая прицел.

И тут же на головном крейсере взметнулся очень высокий столб дыма, пара и огня, и он сразу выкатился из строя. Его попытался прикрыть крейсер, идущий вторым. Было видно, как в его середину попал снаряд, вызвав взрыв в среднем каземате. По эсминцу пронеслось «ура-а-а!» при виде горящих кораблей противника. Через несколько минут сигнальщик доложил, что из-за крейсеров противника выдвигаются эсминцы.

– Николай Иванович, видимо, противник намерен атаковать наши крейсера.

– Сообщение с флагмана, – предупредил сигнальщик и начал читать, – атаковать эсминцы противника и не допустить их к крейсерам.

– Лево на борт, полный вперед. Николай Иванович, нам трудно будет выдвинуться вперед с нашей-то скоростью. Наша скорость всего на три узла больше, чем у крейсеров, и это при полном форсировании механизмов.

– Михаил Иванович, машин не жалеть, надо не допустить немцев на дистанцию торпедного залпа.

– «Новик» увеличил ход, – доложил сигнальщик.

Глядя, как «Новик» стремительно разгоняется, на палубе «Казанца» все с восхищением наблюдали за кораблем-красавцем. Да, этот красавец, новейший и самый мощный эсминец Российского флота, был вооружен четырьмя 102-мм орудиями и четырьмя двухтрубными торпедными аппаратами.

– По-моему, «Новик» намерен прорезать строй крейсеров, – предположил вслух Смирнов.

Паттон вел эсминцы на перехват противника, который разделился на две группы. Первая состояла из четырех эсминцев типа S-138 и намеревалась атаковать «Рюрик». Вторая группа состояла из трех типа S-90 и нацелилась на концевой крейсер отряда «Олег».

– Передать на «Страшный»: крайняя четверка отражает нападение на «Олега».

– Идем на помощь «Новику», – решил Паттон, глядя на эсминец, который вырвался далеко вперед и, ведя огонь из носового орудия, шел наперерез курсу с противником. – Вот бы и нам такие корабли, мы бы этих немцев перетопили в два счета. Открыть огонь!

Стрельба велась в двух направлениях, носовые орудия стреляли по первой группе, кормовые по второй. Противник также отвечал огнем на огонь, приближаясь на дистанцию пуска торпед. Дистанция между кораблями второй группы быстро сокращалась, и с обеих сторон начались накрытия. Эсминцы маневрировали, сбивая прицел. После того как снаряд попал в один из эсминцев (это был S-131) и он запарил, боевой запал немцев немного сник. Они начали поворачивать на обратный курс, прикрывая собой «подранка». Наши наседали и добились еще одного попадания уже в другой корабль. Снаряд попал под мостик, разрушив управление от рулевой машинки. Теперь корабль мог управляться только из румпельного отделения, принимая приказы голосом с мостика.

Паттон с тремя оставшимися эсминцами вступил в бой с первой группой противника, помогая «Новику». Каждый из четверки немецких эсминцев был равным по силе его эсминцам. Они, как и его корабли, имели по два орудия и по три торпедных аппарата, зато скорость у них была выше. «Новик» связал боем двух противников, один из которых имел пожар на корме. «Казанцу» и его собратьям досталась другая пара эсминцев, которые начали склоняться в сторону своих крейсеров. После непродолжительной перестрелки с этой парой и не добившись попаданий, но попав под огонь «Любека», они бросили преследование, повернув на параллельный курс.

– Михаил Иванович, поворачиваем назад, надо помочь «Новику» отбить атаку.

Подходим к месту боя, видим: оба противника повреждены и имеют дифферент один на корму, другой на нос, оба дымятся. «Новик» тоже поймал один снаряд под кают-компанию в носовой матросский кубрик, из которого валил дым, закрывая собой мостик и делая нахождение на нем не вполне комфортным. Мы сосредоточили огонь на том, который зарывался носом (S-149), и через несколько минут поразили его. Эсминцы пошли на сближение с противником, чтобы добить его, так как его ответный огонь велся всего из одного орудия, второе, видимо, было выведено из строя. Мы засыпали снарядами противника, который все глубже и глубже оседал носом и заваливался на левый борт. Когда его участь была предрешена, он всадил нам снаряд, снес им трубу, а осколками повредив котел и паропровод. Наш эсминец запарил, теряя скорость. Из котельного отсека выскакивали обожженные матросы. Хорошо, что котел не взорвался, иначе последствия были намного хуже.

– Передать на эсминцы: добить его торпедой, – приказал Паттон.

«Забайкалец» вышел вперед, заходя с носа, где орудие молчало, и с дистанции пять кабельтовых выпустил торпеду, которая, вильнув, пошла мимо цели. Пришлось выпускать вторую, которая и попала в цель. Обломки взлетели вверх, превышая высоту мачт в три раза. Через несколько минут в воде среди обломков плавали только уцелевшие матросы. «Новик» тоже заканчивал избиение своего противника, которому недолго оставалось продержаться на плаву.

Командир десятой флотилии фрегаттен-капитан Витинг приказал своим кораблям выходить из боя, но не всем это было суждено, три из семи покоились на дне Балтийского моря. Основной бой разделился на три участка. «Рюрик» вел бой с тяжело поврежденным «Рооном», который никак не хотел тонуть. «Адмирал Макаров» и «Баян» добивали «Аугсбург». Только менее всего поврежденный «Любек» и четыре эсминца, один из которых очень плохо управ-

лялся, уходили в сторону Швеции от «Богатыря» и «Олега» и пятерки эсминцев во главе с «Новиком».

– Ваше превосходительство, «Любек» и эсминцы уходят в сторону Швеции, преследуемые парой крейсеров и эсминцами.

– Отлично, Александр Михайлович, значит, нам никто не мешает добить «Роон». Разворачиваемся левым бортом и всей мощью обрушиваемся на немца, не давая ему встать к нам неповрежденным бортом.

И снова над морем раздалась артиллерийская канонада. Немецкий крейсер все чаще и чаще получал повреждения, которые еще больше разрушали корабль, ответный огонь могли вести только носовая башня главного калибра, одно 150-мм и также несколько 88-мм орудий, они против «Рюрика» что укусы комара. Командир «Роона» капитан первого ранга Гигас понимал, что его корабль обречен и вопрос времени, когда это случится. Крен такой, что орудия левого борта, поднятые на предельный угол подъема, смотрели параллельно воде. А попытки повернуться правым бортом пресекались русскими, кружившими невдалеке.

Гигас отдал приказ всем покинуть корабль, который тут же выполнялся.

– Прекратить огонь, – скомандовал Пышнов. – Ваше превосходительство, «Роон» прекратил огонь, и его экипаж покидает корабль.

Смотрю на часы. «Да-а, наш бой длится уже один час двадцать семь минут, – отмечаю я про себя. – И за это время мы получили от противника более десятка снарядов разного калибра. Потеряли башню 203-мм орудий и пару 120-мм, а также получили множество других мелких повреждений – это еще легко отделались. Но из всего этого прискорбна и обидна потеря в бою около тридцати человек убитыми и ранеными».

– Как там «Баян» с «Макаровым»?

– Добивают немца, ваше превосходительство.

– Вот и все, господа офицеры, поздравляю вас с победой. Но праздновать будем потом, когда придем на базу, а теперь надо привести корабль в надлежащий вид, пожары потушить, раненым оказать помощь. Передайте на «Богатырь»: если не будет уверенности в том, что смогут догнать крейсер, то им надлежит возвратиться. Еще предупредите Вердеревского – в территориальные воды Швеции не заходить. Нам еще проблем с этой Швецией не хватало.

II

Командир «Богатыря» Вердеревский Дмитрий Николаевич с раздражением наблюдал, как в шести милях от него убегал «Любек», к которому он не мог приблизиться, хотя и выжимал все из своих машин. И достать его на пределе дистанции тоже не получалось: как только по нему начинали пристреливаться, так тут же эсминцы прикрывали его дымовой завесой. А стрелять наугад – только выбрасывать снаряды на ветер. Немцы тоже выжимали все, как говорится, до последней железки. Им не очень хотелось поплавать кверху брюхом в водах холодной Балтики. Эта погоня продолжается больше часа, и скоро должен показаться шведский берег.

Все, что удалось крейсерам Вердеревского, – это поразить один из эсминцев, тот самый, что имел повреждения в рулевом управлении. Один из снарядов «Богатыря» все же попал в эсминец, который начал отставать от своих, а наши нагонять его. После еще одного попадания эсминец сильно запарил и потерял ход, чем незамедлительно воспользовались наши корабли. Они буквально засыпали его снарядами, когда сблизилась на минимальную дистанцию, проходя мимо него. Снаряды буквально прошивали германца насквозь и взрывались уже с другого борта. В горячке боя крейсера по эминцу стреляли полубронебойными снарядами. Но как только сменили полубронебойные снаряды на фугасные, эсминец быстро отправился на дно. Остатки экипажа были подобраны «Донским казаком», оставленным для этой цели. Крейсерам некогда было останавливаться, приближался шведский берег, а убегающий крейсер так и не удалось хоть немного притормозить. Но они намеревались прижать остатки германского отряда к берегу и уничтожить или заставить его выброситься. Тут некстати получили радиogramму от флагмана прекратить погоню и повернуть назад, в территориальные воды Швеции не заходить.

– Как это обидно, еще чуть-чуть, и мы бы прижали их к берегу. А там им ничего бы не оставалось другого, как на него выброситься. Придется прекратить погоню, видно, немцу улыбнулась фортуна, а к нам повернулась задом, – сокрушался Вердеревский.

– Дмитрий Николаевич, я предлагаю подождать с возвращением еще полчаса, – предложил старший офицер крейсера, – и мы догоним противника.

– Нет, из этого ничего не выйдет, через пятнадцать минут мы войдем в территориальные воды Швеции, а адмирал опасается дипломатических осложнений. Передать на корабли распоряжение о прекращении погони. Запросить место встречи с главными силами. Мы возвращаемся.

Получив координаты места встречи, Вердеревский направился на северо-восток и через три часа в двухстах милях от входа в Финский залив присоединился к главным силам отряда.

Корабли построились в две походные колонны. В левой шли крейсера, во главе «Рюрик» под флагом начальника первой бригады крейсеров контр-адмирала Бахирева. В правой колонне – эсминец «Новик» во главе шестого дивизиона. Обе колонны двигались с десятиузловым ходом, так как эсминец «Казанец» не мог долго поддерживать более высокую скорость из-за поврежденного котла. Кроме того, надо было экономить уголь на эсминцах, которого оставалось не так много. Вот этот тип эсминцев имел самый малый запас угля среди своих собратьев, поэтому и дальность плавания у них была меньше. С флагмана передали, что корабли идут в Ревель.

Через несколько часов корабли эскадры входили в Финский залив. Примерно на траверзе Гангута мы повстречали крейсера второй бригады, все расцвеченные флагами в честь победителей. Вторая бригада крейсеров состояла из старичков ветеранов Русско-японской войны, которую они с честью прошли. Это броненосные крейсера «Россия» и «Громобой», бронепалубные «Аврора» и «Диана». Для этих ветеранов вновь начались боевые будни, они так же, как и десять лет назад, с честью вынесут на себе тяжесть боевых походов, так как им замены пока

нет. В бригаде Бахирева также присутствовали два ветерана той войны: «Богатырь» и «Олег». Да и «Баян» с «Адмиралом Макаровым» можно смело ставить в один ряд с ними, так как были построены по тому же проекту, что и порт-артурский «Баян». И не важно, что они считались новыми крейсерами, недавно вошедшими в состав Балтийского флота. Но на самом деле для специалистов флота они считались уже давно устаревшими.

Через полчаса после того, как мы миновали оборонительную минно-артиллерийскую позицию, состоялись похороны погибших в этом походе моряков. Корабли застопорили ход, экипажи выстроились на верхних палубах, корабли приспустили флаги.

Стоя перед строем матросов экипажа «Рюрика», я произнес речь:

– Офицеры и матросы славного «Рюрика»! С чувством гордости и удовлетворения выражаю самую сердечную благодарность вам за умелые действия во время боя. Вчера нами была одержана славная победа над кайзеровским флотом. Это первая победа в этой войне, но я думаю, что не последняя. Враг надолго запомнит этот день, и он понял, что на Балтийском море есть и РУССКИЙ ФЛОТ. Теперь с нами надо считаться. Сейчас мы прощаемся со своими боевыми товарищами, они не напрасно погибли в этом бою. Они защищали свое Отечество от коварного врага, который напал на нашу священную Родину. Я обещаю вам, что мы о них будем помнить всегда и Россия об их подвиге не забудет. Возможно, что в будущем их именами назовут новые корабли.

Корабельные священники на всех кораблях эскадры отслужили панихиду по всем погибшим и первые двадцать моряков, завернутых в простыни, были опущены в воды Балтийского моря.

Через тридцать часов корабли входили в бухту Ревеля. В порту творилось что-то невообразимое, собрались огромные толпы народу, уже все знали, что эскадра возвращается с победой. Крейсера вставали на якорь посреди бухты, эсминцы швартовались к пирсу под музыку оркестров. Как только крейсера замерли на рейде, к ним со всех сторон устремились катера, яхты, шлюпки и даже маленькие парходики, полные ликующих людей. Это встречали победителей.

III

Германский флот получил хорошую оплеуху за то, что он не воспринимал всерьез Балтийский флот, и за это поплатился потерей двух крейсеров, минного заградителя и трех эсминцев и более трехсот погибших моряков. На этом потери в тот день для немцев не закончились. При выходе из устья Вислы кораблей контр-адмирала Гопмана на выручку своим кораблям он потерял еще крейсер.

Английская подводная лодка Е-9, под командованием командера Макса Хортон, потопила броненосный крейсер «Принц Адальберт», поразив его двумя торпедами¹. Да, мы тоже понесли невосполнимые потери, на кораблях эскадры погибли двадцать три моряка и шестьдесят один был ранен. Практически все корабли – участники этого похода получили повреждения. Кто очень серьезные, как наш «Рюрик», а кто-то несколько пробоин от осколков неприятельских снарядов. Всех, кто был серьезно ранен, а также некоторых легкораненых и обожженных мы передали во временный морской госпиталь (ВМГ), который находился тут же в Ревеле при так называемой Морской крепости Императора Петра Великого, и заведовал этим учреждением действительный статский советник Николаевский. Но на кораблях еще оставалось некоторое количество пострадавших в бою. У кого-то незначительные ранения, у других несильные ожоги, которые через неделю залечатся в корабельных лазаретах.

На следующий день после прибытия в Ревель я вновь перенес свой флаг на крейсер «Адмирал Макаров». Но «Рюрик» я покидал с большим сожалением о том, что он не входит в мою бригаду. Вечером я получил приказ явиться в адмиралтейство к морскому министру Григоровичу И.К. в 11.00 24 июня сего года. Я вызвал командира крейсера и одновременно как бы моего начальника штаба Плена.

– Павел Михайлович, тут меня в Петроград в адмиралтейство вызывают. По всей видимости, мне придется на несколько дней задержаться в столице. Это значит, что тебе предстоит эти дни приглядывать за бригадой. С утра я отдам все распоряжения по бригаде и передам тебе дела.

– Ваше превосходительство, я полагаю, что вас вызывают не только в адмиралтейство, но, возможно, и. Это все же была славная победа.

– Павел Михайлович, мне сейчас только по приемам не хватало ходить. Сам знаешь, сколько дел накопилось после этого боя. Надо срочно приводить крейсера в порядок, война этой победой еще не закончилась. Впереди нас всех ждут немало долгих и кровавых месяцев войны.

– По всей видимости, вы правы, Михаил Коронатович, мы прольем немало кровушки, чтобы завоевать победу.

– Знаешь что, Павел Михайлович, давай мы с тобой помянем всех погибших и выпьем за то, чтобы в остальных наших встречах с противником мы как можно меньше теряли людей.

После этих слов я вызвал Качалова, чтобы он приготовил нам перекусить. Достав ту самую бутылку коньяка, которую я пригубил в первый день своего прибытия в этот мир, мы с Пленом ее приговорили, ведя душевные разговоры.

После ухода каперанга Плена я растянулся на диване, намереваясь вздремнуть, но сон не шел почему-то, тогда я переключился на вызов в столицу.

Что меня там ожидает? Хотя об этом я примерно догадываюсь. А вот что я буду говорить там? Над этим надо будет подумать. Иван Константинович, я знаю, очень умный человек, и он может кое в чем меня поддержать, надо только правильно изложить все свои идеи. Подумаем,

---

¹ В реальной истории в крейсер попала всего одна торпеда, а вторая взорвалась рядом, ударившись о грунт. Корабль остался на плаву, но получил очень тяжелые повреждения.

с чего надо начинать, чтобы немцы не чувствовали себя комфортно и в западном районе Балтийского моря. Надо предложить создать одну, а лучше две оперативнотактические группы, но на них у нас просто нет подходящих кораблей, тут на одну только наскрести можно.

Значит, так, в группу должны входить два линкора, четыре крейсера и восемь эсминцев – это непосредственно главный отряд. Про обеспечивающие силы мы потом поговорим. Вот с эсминцами у нас полный напряг, кроме «Новика», из новых ни одного, значит, придется довольствоваться только «Добровольцами». Это только через год можно половину из них заменить на новые. Еще пригодилась бы авиамавка, ее самолеты должны производить разведку по курсу тактической группы, поиск кораблей противника, а по возможности и их бомбардировку. Но авиамавка тут на Балтике только одна. Значит, надо срочно еще одну вводить в строй, а в идеальном раскладе не помешал бы авианосец. Надо будет поговорить на эту тему с министром, да и подходящий корабль для переоборудования в авианосец уже есть, это «Океан». Сейчас он выступает в роли учебного корабля.

Как мне помнится, то ли в конце двадцатых, то ли в начале тридцатых годов его предполагали переоборудовать в авианосец. Если удастся заинтересовать этим Григоровича, а он уговорит самого Николашку, то, может, что-то и получится. Но его раньше чем через год, а то и два и не стоит ждать, хотя такой корабль очень нужен. К авианосцу же и самолеты нужны, а на этот счет надо встретиться с Сикорским и другими нынешними авиаконструкторами и поговорить, кто из них сможет построить пригодный самолет для эксплуатации на авианосце. Но в этом деле мне нужна поддержка не только одного министра.

Возможно, с авианосцем я спешу, и нам пока такое не осилить. Сейчас все заводы заняты военными заказами, которые они и так с трудом и задержками выполняют. А вот судостроение понемногу начинает тормозить, если даже строительство эсминцев продвигается с трудом, не говоря уже про крейсера, которые так нужны. Очень жаль, что до конца войны мы так ни одного и не получим. Нужны подводные лодки, которые также медленно строятся на наших заводах. И после всего этого смогут ли они переоборудовать «Океан» в авианосец? Смочь-то они смогут, вот только сколько времени понадобится на его переоборудование?

Эх, и правда, не было у нас во время этой войны твердой руки, такой как Сталин в следующую. Он перевел бы всю промышленность на военные рельсы, и все бы работали в три смены на благо победы. А про стачки и забастовки забыли бы раз и навсегда, объявили бы с десяток большевистских агитаторов немецкими шпионами да расстреляли тут же на месте. И все, забастовкам конец.

Я точно не помню, где так поступили, то ли во Франции или Англии, но так или почти так, и на их заводах всякие забастовки прекратились. В Англии был принят закон, запрещающий любые забастовки на военных заводах. Это уже потом, после Февральской и тем более Октябрьской, у них возобновилось стачечное движение. А до этого они роптали, но терпели и работали под лозунгами наподобие «Все для фронта, все для победы». Но про стачки и всякие забастовки и тому подобное говорить не будем, идет только пятнадцатый год, и до семнадцатого время еще есть. Народ пока так сильно не ропщет из-за тягот войны, он надеется на скорую победу над германцами или на завершение этой войны в любом раскладе, только не поражение.

А что это я только о флоте, есть еще армия, она сейчас страдает из-за нехватки вооружения. Не хватает винтовок, мало пулеметов, можно сказать, что нет такого простого в техническом решении по сравнению с орудием миномета, но он был бы очень полезен на фронте. Про снарядный голод общеизвестно. Надо налаживать производство минометов и увеличивать производство снарядов. Обязательно встретиться и с оружейником Федоровым. Это ведь он еще в двенадцатом изобрел автоматическую винтовку, за которую получил золотую медаль, и именно она легла в основу его автомата. Надо будет поспособствовать, чтобы он уже сейчас

начал работу над ним, а там и выпуск организовать. Да и его винтовка также пригодилась бы, только увеличить емкость магазина до десяти – пятнадцати патронов.

Как я уснул, не знаю, но утром меня разбудил Качалов, этот день у меня прошел в напряженной работе. Поначалу я передал все дела по бригаде Павлу Михайловичу. Посетил каждый корабль, что участвовал в бою. Я должен был выяснить степень их повреждений и определить, где и какие корабли можно поставить на ремонт. Мне предстояло ехать в столицу, а там могли об этом спросить. Мы же не будем все корабли гнать туда на судостроительные заводы. Можно кое-какие и здесь, в Ревеле, отремонтировать, а некоторые в Финляндию отправить, кого в Кронштадт, и только единицы в Петроград. Всех командиров обязал сделать представления на награждение всех отличившихся в этом походе от офицера до нижнего чина. На командиров кораблей я сам напишу.

После осмотра кораблей я принял приглашение вицеадмирала Герасимова, который здесь в Ревеле совмещал сразу три должности: был и комендантом морской крепости Императора Петра Великого, и военным комендантом города Ревеля, и генерал-губернатором Эстляндии и Лифляндии. После визита мы вдвоем с ним отправились навестить раненых в морской госпиталь, надо было зарабатывать авторитет и популярность – в будущем может пригодиться.

Когда я покончил со всеми своими делами, стал собираться в дорогу, а что нам собираться, я только приказал Прохору, он все и приготовил. Хотел вечером отбыть в столицу на поезде, чтобы к утру быть там, но на поезде мне не довелось попутешествовать. Тут, кстати, пришел приказ от командующего – срочно отправить «Новик» в Петроград на Путиловский завод. Это наш единственный новейший эсминец, и его надо срочно отремонтировать, хотя такое повреждение можно было и тут, в Ревеле, исправить.

Но приказ командующего не обсуждается, да и на Путиловском ремонт быстрее сделают, да и мне это на руку, дойду на эсминце до места. Сейчас надо только капитана второго ранга Беренса предупредить, что я пойду с ним до столицы.

Вдвоем с Прохором поднимаемся на борт «Новика». Я уже второй раз за двое суток посещаю этот корабль, вчера как командующий отрядом, сегодня как частное лицо. После протокольных приветствий мы проходим в каюту командира корабля. Небольшая, состоящая из кабинета и спальни, понятно, не адмиральский салон, как на моем флагманском крейсере, но и здесь места для двоих вполне достаточно. Я, конечно, знаю, что Беренс предоставит свою каюту в полное мое распоряжение, но не хочу этого. В коридоре еще воняет горелой краской и каленым железом, в этом бою снаряд с немецкого эсминца попал тут впереди по коридору, в каких-то десяти метрах, но палубой ниже, как раз под кают-компанией. Пожар потушили, но матросский кубрик выгорел наполовину, досталось и кают-компания, палубу выпучило и местами даже порвало и посекло осколками. Мебель, что находилась в каюте, попортило пожаром. Все это я видел вчера, когда обходил корабли эскадры, осматривая полученные в бою повреждения.

– Михаил Андреевич, я вас не стесню, если с вами до столицы на «Новике» пройду как пассажир? Вам на Путиловский, мне в адмиралтейство. Я мог бы и поездом, но мне привычнее на корабле по морю.

– Да полноте, ваше превосходительство, какое стеснение! Тут идти несколько часов, и мы на месте.

Я про себя подумал: «Он все же командир корабля и должен отдохнуть. А стоять шесть-семь часов на открытом мостике, хотя сейчас и лето, я ему не позволю».

Через полчаса эсминец отвалил от стенки и направился из бухты, его путь лежал по направлению к столице. Пока я был на пути в столицу, решил не терять времени и засел за записи своих задумок, начал вспоминать все, что было мной прочитано по перевооружению крейсеров.

Про то, как хотели переоборудовать один из кораблей в авианосец, нарисовал его эскизы, как я их запомнил. Если я уговорю кое-кого в этом мире на такую перестройку, то мои рисунки могут натолкнуть кораблестроителей на правильный ход мыслей и создать подходящий проект для авианосца. Почему бы не подготовить предложение по верфям и заводам? Это что, лишняя бумажка – ее нетрудно составить.

Глава 6

Второй виток

I

И вот я в столице, да это вам и не Ленинград начала девяностых, и не Петербург столетия будущего, но тоже прилично выглядит, если говорить про центр города. Зимний дворец на месте, Петропавловка, Адмиралтейство, Исаакиевский собор и памятник Петру – все на месте.

Григорович принял меня, как только обо мне было доложено. Я прошел в кабинет, он встал мне навстречу. И даже пожал руку.

– Молодец, Михаил Коронатович, такую победу одержал над германцами. Они этот день запомнят надолго, осязаемые потери понесли.

– Ваше высокопревосходительство, в этом не только моя заслуга, но и каждого члена экипажей вверенных мне кораблей. И без службы контр-адмирала Непенина, и в первую очередь радиоразведывательного отделения и его начальника старшего лейтенанта Ренгартена, нам бы не удалось перехватить немецкую эскадру. Так что мы все сообща одержали эту победу.

– Да-да, это тоже повлияло на ваши последующие действия, но правда в том, что без должного командования успеха могло и не быть или он был бы минимальным. *(В другой реальности именно без должного командования, а самое главное, без согласованности между группами кораблей эта победа была упущена. Хотя в то время ее посчитали маленькой победой.)* Так что, Михаил Коронатович, в этой победе основная заслуга ваша, и не надо ее принижать. Сам государь высказал великое удовлетворение и поздравляет вас с поражением врага. И благодарит всех командиров кораблей, всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство нашими доблестными моряками, за их молодецкие действия, с чувством гордости и удовлетворения ценит их порыв и выражает им самую сердечную благодарность за достижение весьма крупного успеха. Давайте присядем, Михаил Коронатович, на диванчик.

Мы расположились на диване.

– А теперь расскажите мне, откуда вы узнали, что германский крейсерский отряд будет производить минную постановку в районе Бокшера.

– Ваше высокопревосходительство, это просто интуиция, да и служба радиоперехвата помогла, расшифровала переговоры противника.

– Не сходится, тогда об операции противника никто и не догадывался, мы были в полном неведении. Из донесения командующего Василия Александровича явствует, что вы заранее послали туда седьмой дивизион эсминцев под командованием капитана первого ранга Гадда и даже назвали время появления кораблей противника. А это почти за сутки до встречи с противником. Откуда такая точность по времени и месту? Вы даже предположили дальнейшее развитие событий, где Гадду сопутствует успех. У вас что, глаза и уши в морском штабе принца Генриха?

– Ваше высокопревосходительство, если я скажу, что мне было видение, вы же мне все равно не поверите?

– Трудно поверить, но, говорят, подобное возможно, такие случаи бывали. Если также вспомнить греческие мифы о всяких оракулах, но я в это тогда не очень-то и верил, но если вы сейчас об этом говорите, то я могу принять за правду. А у вас больше видений не было, как и где досадить германскому флоту?

– Да, в последнее время много разных видений, не считите меня безумцем, они могут нам помочь в войне с Германией. На их основе созрел даже проект, как досадить немцам, чтобы они не чувствовали себя на Балтике спокойно.

– Как досадить, мы без оракулов знаем, только сил у нас маловато.

– Я как раз и рассчитываю на то, что у нас есть в наличии.

– Давай излагай свой план, если он достоин внимания, то мы его рассмотрим.

– Ваше высокопревосходительство, я предлагаю создать боевую тактическую группу наподобие той, что участвовала в бою под моим командованием.

– И что представляет собой эта группа и каковы ее задачи?

– Я мыслю ее в таком составе. Два линкора дредноута, четыре крейсера, для этого подойдут и крейсера первой бригады, и восемь эсминцев, включая и «Новик». Поскольку новых, кроме «Новика», еще нет, в группу пока можно зачислить эсминцы последней серии и желательно с большей дальностью плавания, чем у шестого дивизиона, а в перспективе, по мере поступления в строй новых, произвести их замену. Кроме того, в группе должна быть авиаматка для дальней разведки. Она опять-таки всего одна на флоте, потому надо переоборудовать еще одно судно под нее. А вот насчет задач, что сможет выполнять такая группа... Атака на корабли противника, обстрелы его побережья, прерывание морских перевозок как между портами южного побережья Балтийского моря, так и между портами Швеции и Германии. Сейчас Швеция с каждым месяцем все увеличивает поставки руды Германии, а конвои идут вдоль шведского побережья в ее территориальных водах, где мы не можем их перехватить. А этой группой мы сможем доходить даже до Датских проливов и там перехватить один-два конвоя. А после их разгрома или даже захвата в качестве призов и шведы будут опасаться посылать свои торговые суда в Германию. А это сразу скажется на нехватке сырья для металлургических заводов.

– Но то, что вы сейчас назвали, и так входит в круг поставленных задач для Балтийского флота.

– Все это так. Но вот какими кораблями они выполняются? Линкоры простаивают, и это не способствует их боеспособности, да и разговоры начинают ходить по флоту о их бесполезности. Экипажи там большие, могут пойти всякие брожения от безделья. Сравните экипажи крейсеров, что мало-мальски выходят в море, и линкоров, стоящих на рейдах, это совсем разные люди. На крейсерах экипажи, что побывали в боях, более сплоченные, они уже почувствовали локоть товарища, поддержку друга. Да-да, друга, ваше высокопревосходительство, чего не наблюдается на линкорах. Надо срочно привлекать для боевых действий линкоры, пока на Балтике нет германских, и нанести противнику еще более ощутимые потери. Можно было для этих целей также использовать подлодки, но, как вы знаете, их у нас практически нет. Одна «Акула» да еще пятерка не имеющих боевой ценности малых подлодок. Вот только на днях две новейшие подводные лодки инженера Бубнова вступили в строй флота. Еще одну подводную лодку обещали ввести в строй до конца этого года. Да в будущем году еще с десятков построят, хотя и не факт. И это все наши подводные силы, вот поэтому-то нашим подводникам на старье приходится воевать²

---

² Строительство отечественных подводных лодок типа «Барс» на Балтике происходило следующим образом: четыре лодки заложили в августе 1913 года, двенадцать – в июле 1914 года, две – в 1915 году; в строй в 1915 году вступили три лодки, в 1916-м – восемь, в 1917-м – пять, две не были достроены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.